



попдаанец

Михаил Алексеев

РЕЙДЕРЫ

Попаданец (АСТ)

Михаил Алексеев

Неожиданный шанс. Рейдеры

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Алексеев М. Е.

Неожиданный шанс. Рейдеры / М. Е. Алексеев — «Издательство АСТ», 2023 — (Попаданец (АСТ))

ISBN 978-5-17-150326-0

Девятый век. Эксперимент по попаданию в него наших современников и становление Вяземского княжества продолжается. Времена простые, и выбор небольшой – либо ты, либо тебя. А они тут уже обосновались и, как рейдеры девяностых, подгребли все под себя. И делиться ни с кем не собираются.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-150326-0

© Алексеев М. Е., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	35
Глава 9	36
Глава 10	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Михаил Егорович Алексеев

Рейдеры

© Михаил Алексеев, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

«О боги! Как болит голова! И как хочется пить! – Горазд со стоном повернул голову и, с трудом открыв глаза, огляделся. – Где я? И что со мной?»

Он лежал на постели в незнакомой комнате. Под одеялом. Раздетый до исподнего. С трудом, борясь с головной болью, тошнотой и страшной жаждой, он стал вспоминать.

На новогодние праздники отделение оказалось незадействованным, и поэтому решено было праздновать всем вместе, включая жен. Его новый род, семья – он не мог правильно обозначить общность, в которую он попал, пойдя на службу к князю Вяземскому. Формально он служил в отделении Чибиса, еще иногда называемом «группой» в войске боярина Черныха. Хотя это и не совсем правильно. Все, включая и боярина, приносили клятву верности и служили князю Вяземскому Сергею Владимировичу, но непосредственно стрелковой ротой командовал Черных. Это было странно и необычно для Горазда, но, тем не менее, в княжестве существовал именно такой порядок. Бояре, какой бы они пост ни занимали, были, по сути, такими же служивыми людьми, как и Горазд, как и варяги, нурманы и прочие воины. Своих личных воев не было ни у кого. Все были княжеские.

За последние полгода, с момента, как он смог с семьей уехать из Смоленска, практически ежедневно он узнавал что-то новое. Причем зачастую такое, во что поверить можно было с трудом. Ему, как воину стрелковой роты, выдали оружие. Даже два. И это был не топор или копье, и даже не меч. Одно из них называлось карабин «Сайга», и именно его он освоил в первую очередь. Как пояснил командир – Чибис: «патроны к гладкоствольному оружию можно перенаряжать». Чему Горазда также научили. Это было повседневным оружием. И было еще одно оружие, внешне похожее, но оно числилось боевым и называлось автомат Калашникова. Из него Горазд стрелял всего несколько раз. Просто чтобы узнать возможности оружия. Маленькие и внешне безобидные пули автомата, которым овладел Горазд, способны были убить врага с немыслимого расстояния. И это было фактом. Хотя на счету Горазда еще не было ни одной жизни врагов, он видел, что происходит с мишенями, по которым стрелял. А стрелял он метко. Командир хвалил.

Кстати, Чибис определил его воинскую специальность. Горазд стал разведчиком группы. Хотя он и не был лесовиком уровня голядских охотников, и даже Егор был искуснее Горазда как разведчик. Однако Егор лучше и полезнее для десятка был именно как снайпер. Тут с ним поспорить мало кто мог даже во всей роте. А уж незаметно подобраться на дистанцию уверенного выстрела, так, как это умел эвенк, не мог никто. И все же про Горазда Егор говорил, что тот «умеет видеть и слышать». Для разведчика это главное, а остальное приложится. И учил новобранца со всей серьезностью, понимая, что от разведчика зависит судьба его и всей группы. Вот такая жизнь стала у восемнадцатилетнего паренька – его учили все. Кто разведке, кто стрелять, кто буквам и цифрам. И он буквально впитывал в себя эти знания, стараясь соответствовать своему нынешнему статусу воина князя Вяземского.

Жизнь и Горазда, и его близких изменилась просто неузнаваемо. Мать и младшие братья и сестры сейчас жили в красивом доме с большими прозрачными окнами, очень удобной печью и постелями для каждого из них в пригороде Вязьмы. Дом для семьи Горазд построил в кредит, выданный ему как воину княжества. На оплату уходила четверть месячного жалования Горазда, и платить предстояло еще несколько лет. Правда, и семья не сидела сложа руки – все работали на фермах и полях, внося свой вклад в благополучие семьи. Еще семье помогала старшая дочь Беляна, осенью вышедшая замуж за того рослого рыцаря из личной охраны князя, который заметил ее еще тогда, на барже. Так что семья совсем не бедствовала – и крыша над головой была – да еще какая! И голод не грозил. Правда, Горазд все же жил отдельно, в общежитии роты, деля комнату с одним из бойцов другого десятка. Это ему нисколько не

мешало – пересекались они крайне редко. Служба! А Горазду тут было значительно удобнее. Ведь, кроме обучения воинской науке, он обязан был учиться грамоте. Сначала это делали бойцы его десятка, назначенные Чибисом. Кто-то учил писать, кто-то – читать, а кто-то считать. Однако, освоив азы, как говорили товарищи – букварь, Горазд сел и за парту. Из таких как он, избравших службу и работу на княжество, создали класс, и их обучением уже квалифицированно занялись настоящие учителя. В основном женщины, на взгляд Горазда, уже не молодые – лет по двадцать пять – двадцать семь. Мир для него перевернулся. Он узнал за это время столько всего нового и необычного, в которое просто невозможно было поверить. Например, в то, что мир, куда всегда стремились люди, желая заглянуть за край, выглядит как шар. Шар, называемый «глобус». Все это было непонятно и верилось в подобное с трудом.

И все это, и воинская наука, и служба, и учеба грамоте требовали времени. Поэтому к матери и младшим братьям и сестрам он навещался изредка, не забывая купить им подарки. И так пролетели эти полгода. Неожиданно для Горазда прошел Карачун и на небе Хорс принял облик Коляды. Было удивительно и странно праздновать Новый год в разгар морозов. И, тем не менее, это было так. Очередное чудо.

Горазду повезло. Точнее, повезло всему отделению Чибиса. Они были свободны от службы и могли отпраздновать Новый год. И не просто праздновать – Чибис через Черных пробил приглашительные билеты в главный ресторан города и княжества – «Версаль». Название ресторану дал лично князь. Почему «Версаль», зачем «Версаль» – не знал никто. Кроме князя. А если его кто и спрашивал, то, узнав ответ, не посчитал это важным. Весь личный состав отделения пришел на праздник в строго назначенное время – в 23 часа, как сказали – «проводить Старый год». О! Горазд теперь знал время! Первой его покупкой из первого же жалованья были часы. Потому как теперь ему опаздывать было нельзя. Чибис опоздания не прощал. Горазд косил довольный взгляд на левую руку, где мерцали светящиеся стрелки командирских часов. Так вот, в 23 часа все отделение вместе с женами уселось за длинный стол в ресторане «Версаль». Горазд с интересом, но исподволь и робея, рассматривал спутниц своих товарищей. Робел он от того, что они ему в праздничных нарядах казались царевнами неземной красоты. А исподтишка он смотрел на этих красавиц, боясь обидеть своих товарищей – их мужей. Сам он пока не обзавелся хранильницей очага. Даже на примете не было никого. Мать крайне неодобрительно относилась к этому. Время ведь идет, а Горазд совсем не юн – восемнадцатую зиму уже встречает, а все один. Однако выбранный сыном путь воина был непрост и обучение военному ремеслу отнимало много времени, поэтому мать, украдкой вздыхая, вынуждена была мириться с таким положением вещей.

В 23:50 на большом экране, висящем в зале, и, как видел Горазд в окне, на еще большем экране, висящем на площади, неожиданно прекратилась музыка и появился князь, одетый в зимнюю одежду и стоящий на фоне замка. Князь обратился с речью к жителям княжества и поздравил их с наступающим вторым Новым годом. Одновременно Горазд видел князя в том же зале вместе с женами и своими ближниками, сидящими с бокалами в руках и так же, как и Горазд, смотревшими на экран. Князь был одет в черный костюм неизвестного Горазду покроя. Это было настолько удивительным, что Горазд забыл, зачем он держит в руках бокал, и он чуть не пропустил момент, когда его нужно было выпить. Потом все гурьбой повалили на улицу – «смотреть салют». А там – грохотало, в черном небе расцветали яркие разноцветные огни, женщины визжали от восторга, а мужчины ревели громкое «Ура!». И Горазд выкинул из головы мысль с попыткой осознать, как один и тот же человек может быть одновременно в разных местах, и орал вместе со всеми. А потом они вернулись и снова выпили этого шипящего напитка. А потом еще и еще! Горазду становилось все веселей и веселей, а женщины казались все красивее и соблазнительней. Некоторые из них танцевали, иногда тесно прижавшись к обнимавшим их мужчинам. Это было так... У Горазда пересохло в горле, и он снова выпил напитка. Однако это не помогло. Неожиданно он увидел на столе стакан с водой. И,

взяв его, немедленно опрокинул в рот, несмотря на предупреждающий крик Пловца: «Э-э-эй, молодой!» Однако вместо облегчения горло перехватило так, что он задохнулся. Когда смог отдышаться, внезапно отказали ноги и он сел на лавку. Дальше силы оставили Горазда окончательно, и он упал на нее, не в силах даже сидеть. Кружилась голова, все плыло, и Горазду внезапно стало все равно. Он просто лежал с закрытыми глазами, и откуда-то издалека доносилась музыка. А потом послышались обеспокоенные голоса Чибиса и Пловца:

– Эй! Что с молодым?

– Командир! Я это... «шила» бутылочку приобрел у работяг. Продукт качественный, 95–96 градусов, у них аппарат с ректификационной колонной.

Только налил стаканчик, хотел разлить ребятам, а он и маханул его не глядя.

– Понятно. Праздник для Горазда закончился. Любимая, мы на несколько минут отлучимся. Так, ребята, поднимайте парня – понесли ко мне. Там отлежится.

И Горазда понесли. Хотя он уже давно куда-то плыл. Это было последнее, что он помнил. Дальше провал...

Жажда победила тошноту и головную боль. В горле пересохло так, что казалось, оно закаменело. Кряхтя и постанывая, Горазд попытался сесть. С трудом, но он смог это сделать. В этот момент в комнату вошла молодая женщина из рода степняков, одетая в цветастый халат. Горазд напряг остатки мозга, пытаясь вспомнить, кто это. Та, увидев его сидящим на постели, крикнула в комнату, откуда вышла: «Любимый! Твой вой проснулся!» На голос почти сразу показался Чибис. Горазду сразу полегчало. Значит, ему не померещилось – он действительно дома у командира. И тут же он почувствовал, как лицо заливается краской. Стыд-то какой!

– Ну как, боец, самочувствие?

Горазд попытался ответить, но пересохшее горло издало лишь какие-то невнятные звуки.

– Понятно! Минуту подожди!

Горазд замер, не в силах что-либо сделать – при попытке встать на ноги пол под ним закружился.

– На-ка вот! Выпей. Полегчает.

И Чибис сунул ему в руки кружку, откуда пахло тем, что он выпил вчера. Он чуть не бросил стакан. Остановило понимание того, что он не дома, а этот прозрачный сосуд стоит невероятных денег.

– Ну-ка, ну-ка! Пей! Я приказываю.

Давясь, он сделал несколько глотков. Отрава огненным комком провалилась в нутро.

– Молодцом! Приляг. Сейчас тебе полегчает. Это проверенное средство. Не ты первый – не ты последний!

Горазд откинулся снова на подушку, не столько веря командиру, сколько просто надеясь на возможность исцеления. Так плохо ему не было еще никогда.

Удивительно, немного погодя ему действительно стало легче. Боль постепенно стала уходить, а самое главное – голова перестала кружиться. Жажда, правда, не уменьшилась. Зато он понял, что теперь нестерпимо хочет в отхожее место. Чибис правильно понял его взгляд и помог добраться до туалета. Обратного Горазд вышел, уже достаточно уверенно держась на ногах.

– Так! Ты вчера хватанул стакан не разведенного спирта. Это я, брат, скажу, и бывалому человеку непросто. Это нужно еще и уметь, а не просто взять и выпить. В твоём случае все произошло, как и должно было произойти, – тебя вырубил. Это хорошо, что парень ты крепкий, могло быть и хуже. Далее. Пить хочешь?

Горазд не в силах говорить просто кивнул в ответ.

– А тебе сейчас нельзя. Спирт такая штука – выпьешь сейчас воды и снова свалишься. Полегче, конечно, будет, но ходить ты вряд ли сможешь. Поэтому одевайся и пошли, я тебя

провожу до общаги, и тогда там попьешь воды. Сегодня и завтра у тебя выходные. Поправляйся!

И уже одеваясь, позвал жену:

– Гуля! Собери моему бойцу чего-нибудь поесть с собой. Он вчера это пропустил, а как в себя придет – будет готов слона съесть.

– Хорошо, любимый! А что такое слон?

– Я потом тебе объясню.

Далее все произошло, как и говорил командир. Оставшись в комнате один, Горазд разделся и выпил целый кувшин воды. И тут же пол под ногами снова закачался. Держась за мебель, Горазд добрался до постели и рухнул в нее. В голове снова зашумело, и война унесло в сон.

Глава 2

Отшумела праздничная новогодняя неделя. Второй Новый год по счислению выходцев из двадцать первого века вышел значительно многолюдней. Те из местных, кто присутствовал на прошлогоднем, с нетерпением ждали салют. С еще ббльшим нетерпением этого ожидали те, кто не видел, но был наслышан от первых. Слухи о невиданном празднике собрали в Вязьму и жителей окрестных деревень, и гостей из Смоленска, и проходящие через город купеческие обозы. Все постоянные дворы, организованные предприимчивыми местными, все княжеские гостиницы, включая отель, предназначенный для особо почетных гостей, были заняты. Мало того! В предместьях города местные, не упуская возможности заработать, сдавали в наем собственные дома, на время переходя к родственникам, друзьям и просто соседям, делясь с ними прибытком. С учетом того, что все жилье строилось по проектам, типичным для выходцев из двадцать первого века, то любой крестьянский дом по удобствам превосходил боярский в любом граде земли славянской, уступая лишь площадью. Так что гости, не скупясь, платили за подобную крышу над головой. И хотя этот Новый год не совпадал с тем, что отмечался в этот период, люди радовались празднику.

Организаторы новогоднего шоу не подвели. Сразу после выступления с новогодними поздравлениями Фомичева, то есть князя Сергея Владимировича, на огромном экране, установленном на торговой площади города, небо взорвалось огнями десятков фейерверков. Грохот разрывов перемежался с ревом восторженной толпы. Но все проходит! Закончились и эти праздники.

Фомичев, выйдя из душа и обтеревшись полотенцем, внимательно разглядывал свое обнаженное тело в ростовом зеркале. Все бодибилдеры подвержены нарциссизму. В той или иной степени. Владельцы спортзалов и фитнес-центров также в курсе этого, поэтому зеркальные стены в «качалках» немного увеличивают размеры, поднимая самооценку посетителей, вызывая чувство самоудовлетворения и желания продолжать процесс строительства тела. Сергей не был исключением. Сейчас он критически рассматривал свое тело, меняя позы и напрягая различные группы мышц. С точки зрения классики культуризма тело было хорошо подсушено, но объемы мышц до совершенства не дотягивали. Фомичев вздохнул – за гриф штанги он не брался уже полтора года. Как раз с момента перехода в этот мир. Но ладони, забывшие шершавость спортивных тяжестей, мягче не стали. Их заменил черен меча, с которым Сергей занимался под руководством Чтибора ежедневно. К тяжести которого он настолько привык, что в отсутствие его на поясе чувствовал себя практически голым. Да, Чтибор неизменно побеждал в тренировочных поединках, однако давно уже не всухую. И как говорил воевода и друг Сергея Федор Иванович: Фомичев прогрессировал. И, по его мнению, недалек был тот день, когда уровня Чтибора станет маловато и придется обращаться за наукой к лучшим мечникам варягов или нурманов. Чтибор, как особо приближенный, поднимал уровень владения холодным оружием всему руководству княжества, занимаясь этим целыми днями. Плюс ежедневные занятия конной подготовкой. Чтобы конь не потерял форму. В итоге – год регулярных тренировок, который не прошел даром.

Так вот, вновь молодое тело откликнулось на изменение нагрузок, также меняясь. Мышцы потеряли объем, став более вытянутыми, выносливыми и резкими. И в целом фактура сохранилась, хотя для выхода на соревновательный подиум Фомичев не годился. Вздохнув в очередной раз, Фомичев оделся и вышел к своей большой семье. Получив три обязательных поцелуя от жен, в свою очередь приложился губами к макушкам детей, сидевших в детских стульчиках для кормления перед тарелками с манкой. И после завтрака отправился в зал еще достраивавшегося замка, где должно было состояться расширенное совещание руководящего состава анклава, то есть княжества. Кроме Фомичева и его заместителей, присутствовали все

начальники отделов, служб и ведущие специалисты всех направлений сельскохозяйственного и промышленного производств, ЖКХ, здравоохранения и образования. Также были приглашены главы всех семи голядских родов, принявших гражданство княжества. Три из них с весны уже были расселены в окрестностях города, а четыре, перешедших под руку князя после битвы, смогли перевезти свои семьи и имущество только к осени. В зиму отправлять их на необжитые места Фомичев не стал. Княжество способно было прокормить несколько сотен человек. Да и сами новые граждане без дела не сидели. Работы в княжестве хватало и за нее платили. Поэтому все, кто мог, работали в меру своих сил и знаний. Плюс все мужчины интенсивно натаскивались на полигоне воинской науке. И привыкали к новому для себя оружию и доспеху. Фомичев решил их поселить в местах слияния рек – Вопи и Днепра, Вязьмы и Днепра, Вазузы и Волги. А самый сильный и многочисленный род Тура должен был отправиться к месту слияния Тверцы и Волги, заняв бывшую разбойничью базу. С ними же должны были отплыть инженеры, которым предстояло разметить крепость и позже нанять и руководить строительной бригадой. Закладывающиеся городища и крепости служили аванпостами растущего княжества на торговых путях. Но все это предстояло осуществить весной, после открытия водных путей. Фомичев считал возможным присутствие вождей родов. Такого многочисленного совещания за прошедшие пятнадцать месяцев еще не было, хотя их присутствие было ограничено. Как только закончились вопросы, так или иначе связанные с ними, – вождей голядских родов отпустили. Далее совещание продолжилось уже составом выходцев из двадцать первого века. Исключением был лишь Чтибор. Но тот уже давно с молчаливого согласия князя и ближников считался своим.

Фомичев в целом был посвящен в темы совещания, и ему были известны основные цифры достижений. Для себя он выделил главные: численность населения княжества достигла восьми с лишним тысяч человек. За срок чуть более года – более чем десятикратный рост численности населения, что крайне важно – не рабов. Это в данных исторических условиях чемпионский результат. Однако это хорошо для первого шага, но недостаточно для пути, который планировал пройти Фомичев в целом. Из этого следовало, что Хамлидж увидит бойцов с далекого севера еще как минимум раз. Далее, что было важным для князя – это остаток дизельного топлива в шестьдесят процентов. То есть при нынешнем расходе этого топлива осталось на два года максимум. И еще – остаток запасов металлов. Его должно было хватить на больший срок, однако и этот ресурс в нынешних условиях был почти невозобновляемым. Ближайшие разрабатываемые в этом времени рудники лежали за морем – в Скандинавии. И доставка исходного материала, даже в виде отливок, а не руды – была крайне дорогá. Когда доклады закончились и пошли вопросы, требующие решения в перспективе, неожиданно для Фомичева обратил на себя внимание и Федор.

«Неожиданно», потому как вопросы армии, как правило, князь из вида старался не упускать. Как оказалось, это не совсем так. Федор Иванович, бывший реконструктор, а ныне молодой боярин с пышной окладистой бородой и густой гривой на голове – по моде этих лет, по приобретенной уже здесь привычке огладил бороду и попросил слова. «Еще чуть и можно косички заплести. В том числе и на бороде. Как у нурманов. А ведь и вправду – Федор как будто здесь и родился!» – подивился Фомичев, как будто увидев того в первый раз. Раньше как-то не обращал внимания. Попытка Фомичева соответствовать образу местных мужчин для него оказалась неудачной. Под большой бородой чесалась кожа, а из-за длинных волос все время потела голова под шлемом. В итоге он оставил короткую аккуратную бороду и стрижку полубокс. Вернуться к образу его молодости в полной мере не удалось. Относительно безбородых мужчин у местного населения имелось неоднозначное мнение, допускать в отношении себя которое князь был категорически против, а «площадка» требовала слишком большого ухода, да и тяжелый шлем, смоченный его же потом, ее деформировал моментально.

Фомичев после паузы предоставил слово воеводе.

– Новобранцы, завоевавшие осенью право стать рыцарями, обратились ко мне с вопросом, который я, в рамках своих полномочий, решить не могу, поэтому задаю его здесь. Суть вопроса – с их точки зрения им требуется как минимум один помощник. Чтобы помочь надеть латы, обходить боевого и заводного коней и при необходимости прикрыть спину рыцарю. Правда, заводных коней у нас нет, как всем вам известно. Они нам, в общем-то, и не нужны. По причине отсутствия дорог и, следовательно, длительных маршей. Мы все – имею в виду начальный состав рыцарской сотни – в основном из бывших спортсменов, получивших вторую молодость. И считаем это величайшим подарком судьбы, и вот в силу этого стеснялись напомнить об этом неудобстве. До этого мы обходились своими силами, помогая друг другу.

Фомичев, слушая воеводу, поймал себя на мысли, что даже не задумывался об этом. Ему всегда кто-то помогал – Федор или Чтибор, иногда конюх. Он воспринимал это как должное и даже не задумывался, а как этот вопрос решают другие. В общем, упустил из вида.

– А новички отнеслись к новому своему положению совершенно по-другому. Они люди своего времени, времени, в котором естественным образом есть господа и рабы. С господами и в наши времена было все в порядке, с «рабами» чуть похуже, не успели мы к этому привыкнуть, поэтому попросту не задумывались о таких вещах. Или *пока* не задумывались. В общем, нужен ответ. Может, сейчас это и не главный вопрос, ввиду того что мы практически везде используем для перемещений пароходы и баржи, но я думаю, что у нас появятся задачи, удаленные от рек. И тогда этот вопрос встанет в полный рост. К озвученным обязанностям «оруженосцев» – думаю, это правильное название должности – добавится и обустройство лагерей, и караульная служба, и организация питания.

– Ага! – в полемику кинулся главный конюх, отвечавший за конский состав.

Когда-то маленький сухонький старичок, имевший громкое имя Василий Иванович и не менее громкую фамилию Конев, спивался по причине исчезновения из жизни двадцать первого века коней, которым он посвятил всю свою жизнь. Теперь живой и непоседливый, а главное молодой, начальник службы, которой он отдавал все свое время. Ну, почти все. До этой осени живший практически в конюшне и не отлучавшийся от племенных табунов, он все же нашел себе женщину из какого-то племени степняков, для которой лошади тоже были неотъемлемой частью жизни. Вот из-за нее он перебрался в небольшой домишко у конюшен. Хотя, думается, учитывая менталитет его молодой жены и образ жизни, который она вела в степи, она и в конюшне смогла бы жить. Кстати, *все* помощники главного конюха были степняками, бывшими рабами, освобожденными в первом походе в Хамлидж. Увидев коней, за которыми им предстояло ухаживать, они тут же практически отреклись от прежней жизни. Василий Иванович «перекрестил» их всех, дав вполне русские созвучные имена. Они также обзавелись женами и этим фактически обозначили, что оставшуюся жизнь проживут здесь.

– У нас и так не хватает коней. Осенью новых пятнадцать латников взяли, а где им коней взять? Ладно, докупили местных. Но они и рядом с нашими не стояли. Вон легкая конница вся на местных. Так они отличаются от владимирцев и буденновцев, которые под латниками, как небо и земля. Тысяча лет селекции – это не хухры-мухры! А молодежь из приплода этого года встанет в строй самое раннее года через два. Да и то не всех из них можно будет поставить в строй. Боевыми конями не все рождаются. Как и люди не все – воинами. А слушая ваши хотелки, понимаю, нужно как минимум еще сто пятнадцать коней, способных нести на себе латника. И раз тема конского состава озвучена и, я так понимаю, решать нам ее все равно придется, сразу скажу: нам не хватает пастбищ! Возможности поймы Вязьмы исчерпаны. Да! Лес вырубается, площади освобождаются. Но все идет под посевы. Согласен, в том числе и под овес, но если увеличивать численность табунов – нужно искать места и для пастбищ. А у нас здесь степей нет. Тут леса. И даже к редким имеющимся полянам нужно пробраться через чащобы. В общем, я проблему озвучил.

Конюх сел.

Фомичев после паузы ответил на вопрос:

– Как все уже здесь слышали – развитие без расширения как минимум нашего влияния, а по факту занятия важных для нас территорий, невозможно. Это значит, что вопрос увеличения численности нашей армии не обсуждается. Все притязания на лучшую долю должны подтверждаться силой. Это аксиома и нашего мира, а уж тем более – этого. Значит, будет расти и численность рыцарской конницы. Это танки этой эпохи. И вопрос конского состава для нас – важнейший. Поэтому решать мы его будем не сию минуту, а обстоятельно и вдумчиво. Василий Иванович, без вас не обойдемся, уверяю вас. Далее, марши нам предстоят, без этого не обойтись, поэтому вопрос с оруженосцами или боевыми холопами, как назвать – решим отдельно, как минимум своевременный, а по факту – уже перезрел. Каюсь, упустил его из вида. Но есть еще одна тема, о которой я долго думал и хотел об этом поговорить, но предварительно в более узком кругу. Но, раз так сложились обстоятельства, давайте обсудим эту тему прямо сейчас. Тем более среди присутствующих достаточно людей, знающих обычный для этого времени порядок. Хотя и князей пока что, до нас, тут не было, но принцип власти им понятен.

Он остановился и мысленно поблагодарил бывшего своего админа Макса. Когда в только что рожденном княжестве на службе появились местные, Фомичев задумался о том, как быть с ними? С соратниками все было относительно понятно – они прекрасно понимали, что их сила в единстве, возможностях и знаниях их времени. И то, что через тридцать лет их жизнь может круто измениться.

Местные же мыслили другими категориями. Пока счет шел на единицы – проблем не возникало. Но план Фомичева предполагал развитие и овладение основными коммуникациями на территории Руси девятого века. А значит, контроль над удаленными территориями и городами. И сил одних лишь соратников для этого было недостаточно. Возможно, Фомичев пошел бы по пути, по которому в принципе прошли все государства средневековой Европы, включая Русь. То есть строительство властной пирамиды с собой во главе и делегирование части прав и обязанностей в данном случае удельным князьям и боярам на местах. И когда он уже всерьез размышлял над этой проблемой, примеряя под перспективные должности и вполне конкретных, и пока воображаемых людей, Макс скинул ему серию книг Александра Прозорова «Князь». Начало не впечатлило Фомичева – обычное приключенчество попаданца во времени. Тем не менее он учел настоятельную просьбу компьютерщика и не бросил читать. В итоге понял, что основным стержнем книг является совсем не попаданец и его приключения, а царь Иван Грозный и его реформы, а точнее сказать – революция, сверху, полностью изменившая систему власти в стране и позволившая Руси в дальнейшем стать империей. Соседи на западе – поляки – этого сделать не смогли и в итоге упустили возможность занять место под солнцем истории.

– Как вы знаете, в настоящее время существует определенный порядок осуществления власти на подвластных территориях, – продолжил он после паузы. – Схема, применимая на Руси, такова: пирамида, во главе которой стоит князь, ниже его стоят ближайшие бояре и удельные князья, которые в своих вотчинах и удельных княжествах, с одной стороны, представляют власть князя, а с другой – являются полновластными хозяевами на территории для всего населения. «Вассал моего вассала – не мой вассал!» – формула власти этого времени. Обязанность вассалов князя – уплата доли налогов с населения и всех видов деятельности на подвластной территории, и по команде князя выдвижение на какую-либо войну во главе собственного войска. Причем воины этого войска присягают именно этому боярину или удельному князю. У нас пока этого нет – все принятые к нам на службу, включая рода Голяди, принявшие власть княжества, присягали лично мне. Однако мы на пороге изменений, когда некоторые из здесь присутствующих возглавят города, которые станут нашими, или построят новые. И тогда, по логике этого времени, и дружины этих городов, и население будут давать клятву именно им. Так было на Руси, так было и в Европе. Так вот, мной, считайте, принято решение – изменить

этот естественный для эволюции порядок. Все войны и все население будут приносить клятву верности мне. Не потому что я так властолюбив, а потому что эта схема гораздо прогрессивнее для централизованного государства. Иначе рано или поздно мы дойдем и до междуусобиц. Вот так! Интересующиеся можете ознакомиться с материалом, на основании которого я пришел к такому решению, у нашего компьютерщика Федорова Максима Владимировича. Еще вопросы есть?

– Есть! – С места поднялся один из производственников. – Сергей Владимирович, почему мы – выходцы из индустриальной эпохи – делаем ставку на холодное оружие, латы, луки и так далее? Я не вижу особых проблем с производством простейшего огнестрела, который снимает вопрос «кто здесь самый сильный».

– Этот вопрос рассматривался, и то решение, которого мы придерживаемся, имеет несколько обоснований.

Первое. Примитивный огнестрел, уровня «мушкет – пищаль» сам по себе не гарантирует победу на поле боя. Особенно когда испуг местных перед грохотом выстрелов пройдет. Напомню, испанские терции, основу которых составляли солдаты, вооруженные холодным оружием, были непобедимы аж в начале семнадцатого века. Аркебузеры были всего лишь дополнением в этой тактической единице и без вышеуказанных бойцов самостоятельно воевать не могли. Причина, надеюсь, понятна – это малая скорострельность и дальность выстрела дульнозарядного оружия.

Второе. Дать всем современное оружие – пусть даже гладкоствол, мы не можем по двум причинам. У нас его не так много, а производить его серийно мы не можем. Примитивное огнестрельное оружие показывает более-менее приемлемые результаты только при массовом использовании. Плюс нет гарантий, что оно не уйдет на сторону. Возражения вроде того, что и современное оружие может быть потеряно, украдено и так далее... Может! Но можно с полной уверенностью сказать, что с учетом нынешних технологий скопировать его невозможно. А вот пищаль – тут ответ неоднозначен. Порох, как известно, уже известен. То есть огнестрельное оружие появится лет на триста-четыре раньше, чем в нашей истории. Появляется вероятность использования его против нас. Вывод: не стоит помогать им в этом вопросе. Это наше преимущество, и мы должны его поддерживать и охранять. Хотя в этом вопросе есть и исключение. В стрелковую роту нами принято несколько новобранцев из местных. Но! Все их семьи живут у нас. Мы любим играть словами и простые вещи облекать в красивые фразы. Однако любой местный сразу понимает, и для него это естественно, что их семьи являются гарантией от предательства. Поэтому вопрос по каждому из рекрутов решался индивидуально и после обязательного поручительства тех, с кем он должен далее служить.

Третье. Патроны. У нас есть запас и для нарезного оружия, и еще бóльший для гладкоствольного. К которому мы можем переснаряжать патроны. Но и тут мы зависимы от запасов, взятых нами в этот мир. То есть мы ограничены в этом ресурсе. По крайней мере, пока.

Четвертое. Территория, которую мы в итоге будем контролировать, огромна. И количество местных, вовлеченных нами в процесс освоения, охраны и обороны, в итоге тоже будет велико. А им холодное оружие привычней, и владеют они им зачастую гораздо лучше нас. Вы это уже знаете. Поэтому есть смысл усилить их именно в этом, предоставив лучшее в этом мире оружие, броню и знание тактики.

Пятое. Это вопрос экономический. Сделать меч или лук гораздо дешевле, нежели ружье начала девятнадцатого века.

Надеюсь, я ответил на вопрос. Еще есть вопросы?.. Нет, тогда всем спасибо, все свободны. Моих заместителей по направлениям прошу остаться. Обсудим отдельные вопросы, в том числе и те, о которых я только что говорил.

Когда за последним из уходящих закрылась дверь, Фомичев внимательно посмотрел на Никодимова.

– Что скажет разведка по поводу предстоящей стрелки с киевскими и полоцкими? Валерий Николаевич, есть новости?

– Подтверждение информации о весеннем походе. Князь киевский предлагает соседям поучаствовать в этом мероприятии. Пока данных о согласии нет. Зато уже достоверно известно, что с дружиной пойдет ополчение. Численность ополчения неизвестна. Но рассчитывающие пограбить найдутся наверняка. По Полоцку – посадник осенью отправлял своих людей к варягам и нурманам с предложением поучаствовать в походе на Смоленск и Вязьму. И тоже собирает ополчение.

– Сведениям верить можно?

– Да. Информация поступала из разных источников плюс обработка косвенных данных. Хочу сказать – наши праздники просто рай для сбора информации. Все источники приезжают сами. Успевай только опрашивать и обрабатывать.

– Я так полагаю – не только для нашей разведки. Люди здесь, конечно, простые, но не дураки. Александр Викторович, что скажешь?

– А как же. И мы без дела не сидели. Среди приезжих было несколько персон, собиравших данные о нас и нашей армии. Но, как уже было сказано, люди они простые. Поэтому мы им дали узнать то, что и так было известно. Так сказать, дали возможность заработать на хлебушек. Одновременно и их занесли в картотеку, и контакты в нашей среде.

– Валерий Николаевич, примерную численность войск противника назвать можешь?

– Назову максимум, потому как слишком мало информации о возможных союзниках киевлян и полоцких. Киев может выставить до пяти тысяч бойцов. Это с учетом дружин потенциальных союзников. Из этого числа тысячи три будет ополчение. С Полоцком и сложнее и проще одновременно. Проще потому как город точно не сможет выставить войско больше киевского. Сложнее, потому как неизвестно, сколько ярлов и конунгов варягов и нурманов поведется на посулы Полоцка. Денег на большое количество наемников в городе нет. Будут в качестве оплаты предлагать имущество Смоленска и Вязьмы. Поэтому численность полоцкого войска не назову, но предположу, что доля профессиональных воинов в нем будет выше, чем в киевском.

– М-да... А блицкриг они нам не устроят? По льду рек.

Никодимов пожал плечами.

– Скрытый пост в верховьях Десны стоит с осени. На связь выходит регулярно. Смоленский воевода по нашей подсказке также выставил заставу на Соже. По расчетам успеваем на автомашинах и в конном строю перекинуть резервы и прикрыть порт на Угре или помочь Смоленску.

– Федор Иванович, что скажешь?

– Скажу, что если принимать открытый бой – даже не дав киевлянам и полоцким объединиться – умоемся кровью. А если объединятся, то... Воевать здесь умеют и, главное – любят. В любом случае мы понесем невосполнимые потери.

– Да! А это для нас неприемлемо! На этот год у нас запланировано решение крайне серьезных задач. Значит, нужно задействовать наш главный и решающий ресурс.

Князь постучал пальцем по голове.

– Будем думать!

Глава 3

К весне готовились. Для производственников и земледельцев это была плановая, рутинная подготовка к посевной и летним стройкам. А вот армия готовилась к войне с многочисленным и малоуступающим в воинском деле врагом. Это была подготовка к войне по наихудшему сценарию. За неделю до начала ледохода на Днестре, вертолетом, со всеми возможными предосторожностями, в низовья Десны и Сожи были выброшены две разведгруппы в составе десяти человек каждая – по два бойца Черныха со средствами связи и по восемь литовских охотников в обеспечении. Задачей групп было определить маршрут киевского войска и предупредить. Выбросили их в двадцати километрах от предполагаемого района базирования, куда они должны были дойти на лыжах. Левобережье Днестра в этих районах было не заселено, а имеющиеся охотничьи заимки пустовали по причине скорого ледохода. Риск обнаружения, конечно, был. Особенно вертолет в воздухе, но надеялись на привычный испуг местных перед летающими машинами и сложность передачи этой информации в Киев.

Сигнал от первой из них, той, что контролировала устье Десны, пришел через неделю после окончания ледохода. Караван из многих десятков лодей прошел устье Десны вверх по Днестру. Численность войска приблизительно оценили тысячи в четыре воинов. Было несколько лодей, а также с лошадьми.

Фомичев, помня разговор на январском совещании, оповестил об этом Василия Ивановича Конева. И тут же поплатился за это. Пришлось оформлять конюху подписку о неразглашении, и после этого тот, расспросив подробности, он потребовал своего участия в операции, дабы сохранить в целости будущее имущество княжества. Это был аргумент. Пришлось разрешить, и, вытребовав в помощь себе нескольких своих наиболее доверенных пастухов, Василий Иванович стал ждать команды.

Как только группа в низовьях Сожи сообщила, что киевское войско идет вверх по Днестру, была отдана команда о свертывании и выходе разведгрупп в районы, где их заберет вертолет. С этой минуты военная машина княжества пришла в движение. Получив команду, на одном стоящем у пристани Вязьмы буксире с самой маленькой металлической баржей впереди, засуетилась команда, готовясь к отходу. На барже были наращены борта, и она, как и буксир, была покрашена в черный цвет. И как только на баржу погрузился десяток бойцов Черныха и Конев с четырьмя узкоглазыми подчиненными, прискакавшими на взмыленных лошадях, буксир издал протяжный гудок, отвалил от пристани и, весело стуча вновь поставленным родным дизельком, бодро двинулся вниз по Вязьме.

На полигонах, стрельбищах, в казармах забегали люди, а в конюшнях застучали копытами и заржали боевые лошади, чувствуя волнение людей.

Утром следующего дня, по прибытии союзников, погрузка войск была закончена, и караван барж двинулся к Смоленску. Армия выступала в поход навстречу врагу. В княжестве было объявлена военная готовность. Мужчины, не находящиеся на службе в княжеском войске, оставляли свою работу, вооружались и заступали на охрану и оборону вверенных им объектов. Рота Черныха перешла на круглосуточный вариант несения службы.

Глава 4

Киевский князь Аскольд, уже в годах, но все еще крепкий телом варяг, возлежал на корме лодыи. Караван из десятков разнокалиберных лодей растянулся по глади великого Днепра на многие перестрелы. С лодей, перекрывая звуки ударов по воде сотен весел, слышались соленые шутки и смех воинов. Для воинов работа веслом была просто разминкой на длинном пути в верховья реки, нежели работой. Да еще и попутный ветерок помогал, и на лодьях раздувались паруса. Еще никогда Киев не собирал такого войска. Повод был серьезным. Семью киевского князя оскорбили выскочки из непонятно откуда появившегося год назад княжества. И за эту обиду князь обязан был спросить. Иначе соседи усомнились бы в его власти и могуществе. Слухи о врагах ходили разные. В то, что у врагов есть ползающие и летающие ящеры, князь не верил совершенно. Не верил и в то, что именно эти ползающие зеленые ящеры и такие же зеленые всадники на них ограбили торговую сторону Хамлиджа, считая это одной и той же сказкой. Однако в то, что денег у вяземского князя много, верил. Потому как и он купил у купца зеркало необычайной чистоты, сделанное именно в Вязме. И он помнил, сколько оно ему стоило даже с учетом немалой скидки, которую сделал купец князю. А ведь еще была невиданная посуда, инструмент из отличного железа, мечи отменного качества. Он специально посылал своего человека в Смоленск, где в торговом доме князя вяземского продавались чудные латы по цене, услышав которую, даже он – князь – призадумался. Однако сейчас был хороший повод получить их даром. Именно желание богатства, ждущего их в верховьях Днепра, и позволило ему собрать под свое знамя такое большое войско. Кроме княжеской дружины – старшей и младшей, с ним шли дружины соседей во главе с вождями. И от простолюдинов, желающих пойти в поход на земли кривичей, отбоя не было. Всех взять в поход возможности не было. И так в Киеве и окрестностях выгребли все более-менее исправные лодыи. И все сейчас были заполнены под завязку. Правда, несколько лодей пришлось отдать под коней вождей-союзников. Те, без коней в поход идти не хотели категорически. А войску край были нужны лучники. Поэтому сошлись на следующем – коней вождей, чтобы не уронить их достоинство, взяли, а рядовые воины будут биться пешими. Хотя, по мнению Аскольда, серьезного сражения и не предвидится. По словам лазутчиков, ходивших в Смоленск и Вязму с купеческими караванами, все войско князя примерно в одну тысячу воинов. Еще несколько сотен мог выставить союзник князя вяземского вождь племени Голядь. Но Аскольд их за воинов не считал. Это просто охотники, необученные биться в строю на поле брани.

А в войске Аскольда было более четырех тысяч воинов. Причем за трое суток до начала похода удалось договориться с тремя нурманскими хирдами, пришедшими с караванами из Царьграда. Именно они на трех своих драккарах сейчас шли впереди каравана. Вот это было хорошим приобретением! Аскольд – сам варяг, прекрасно знал цену воинам с берегов Варяжского моря. А на волоке из Западной Двины в Днепр к войску должен присоединиться полоцкий наместник с войском в три с лишним тысячи воинов. И варягов и нурманов там было втрое больше, чем у князя. Через три дня его войско будет стоять у стен Смоленска! А потом наступит черед и Вязмы. Но на всякий случай перед походом он ходил на капище и принес дары богам, спросив у волхвов, чем закончится поход. Волхвы, приняв подношение, после ворожбы ответили, что он, несомненно, победит. Если дойдет до поля боя... Станный ответ. Он в этом проблемы не видел. А там честная сталь мечей исполнит волю богов.

Благостные мысли расслабили, и князь уже впал в дрему, когда что-то изменилось и встревожило его. Сбросив дрему, он приподнялся на локте и, приложив ладонь ко лбу, прикрываясь от весеннего солнца, огляделся. Что-то происходило впереди. Там, за излуциной Днепра, где скрылись драк-кары нурманов. Оттуда слышались далекие крики и непонятное равномер-

ное глухое постукивание. Не понимая, что происходит, князь резво поднялся на ноги и крикнул: «Вздеть брони! За оружие, воины!»

Неожиданно из-за излучины вырвался драккар нурманов. Тот, что шел последним в тройке. Корабль просто летел навстречу каравану вниз по течению. Равномерно, в максимальном темпе, весла вспенивали воду, гребцы сгибались от напряжения, заставляя корабль делать рывки. Гребцы выкладывались во всю силу. Парус, чтобы не мешал, уже был спущен, и мачта уложена на палубу.

Князь был ошеломлен. Что могло такого произойти, что морские воины ударили изо всех сил. Придумать причину князь не смог. Просто не успел. Неожиданно равномерный стук стал громким, и он повернул голову в направлении звука. Из-за излучины в голову каравана вышла очень большая лодья. Идущая очень быстро черная лодья, о чем говорил высокий бурун у тупого носа. Князь видел, как на лодьях его воины уже с оружием в руках и в броне готовили кошки и багры, чтобы зацепиться за ее высокие борта и сойтись грудь в грудь с неизвестными врагами. Лодьи загодя расходились в стороны, чтобы иметь возможность напасть с обоих бортов одновременно. Все так! Только в глубине где-то мерцал тревожный огонек вопроса – почему этого не смогли сделать нурманы? И что так напугало хирд третьего драк-кара, который, не снижая скорости, уходил вниз по реке? И где еще два драккара? Через секунды он все понял и от этого сам пришел в ужас, сдержав могучей волей едва не вырвавшийся из горла крик. Черная лодья, не снижая скорости, шла в коридор, образованный воинами Аскольда, и неожиданно, не доходя тридцать-сорок шагов до них, с обоих бортов вражеского корабля плеснули длинные струи огня. Прямо по парусам, которые мгновенно вспыхнули. И тут же – еще струи, по палубам ближайших лодей. К счастью, не по воинам. Сухое дерево занялось сразу. Воины, готовые к броску на палубу чужого корабля, замешкались, и за борт зацепились лишь пара кошек. Одновременно часть воинов бросилась тушить свои лодьи, черпая воду кожаными ведрами и заливая огонь. Только вот огонь от этого разгорался еще сильнее. И тут натянулись веревки кошек. Рывок черной лодьи был столь силен, что еще стоявшие воины попадали, кто на палубу, кто в воду. Если упавшие за борт не успеют освободиться от брони – шансов спастись нет. Но повезло не всем и упавшим на палубу. Некоторые упали в огонь, и теперь горящие со страшными криками сами прыгали за борт. А черная лодья уже ударила огнем по следующим лодьям. И тут князь понял слова волхвов. Его войску не суждено дойти до поля брани. Лодьи каравана бросились к берегам. С некоторых прыгали за борт те, кто не успел надеть броню. Оставляя и ее, и оружие.

Князь окаменел. Он не слышал, как кормчий его лодьи орал к повороту, как вразнобой, но все же ударили весла, унося его к берегу Днепра. Когда лодья ткнулась в берег, ближники стащили его на берег и остановились, только оттащив князя до ближайших деревьев векового леса. И, уже стоя там, князь так же молча досмотрел разгром своего войска. Черный корабль жег и жег лодьи, пока на водной глади не осталось ни одной. Кроме тех, где были кони вождей. Их он зацепил и тащил за собой, одинаково быстро двигаясь и по течению, и против. Парусов и весел у черной лодьи князь не увидел. Только равномерное непонятное постукивание и легкий дымок над домиком на палубе.

Закончив с лодьями на воде, вражеский корабль прошел вдоль берегов, последовательно поджигая уцелевшие лодьи. Когда он поджигал княжескую лодью, проходя в трех десятках шагов от берега, князь рассмотрел, что у коней уже суетятся четыре степняка и один славянин. Еще отстраненно он отметил, что черный корабль сжигает только лодьи, не трогая раненых или обессиленных воинов, лежащих на берегу. Но это уже не имело значения. Киевское войско было разгромлено. Оно уже не могло попасть ни в Смоленск, ни тем более в Вязьму. Лодей не осталось. И оружие, и брони его войска сейчас лежали на дне Днепра.

Глава 5

«Началось!» – понял Воислав, когда утром караульные доложили, что ночью мимо Смоленска вниз по Днепру прошел совершенно черный пароход. Его заметили из-за яркого света, которым он освещал себе путь, и из-за шума его машины.

Воислав встал, подошел к окну и, взглянув на весеннее солнышко, голубое небо и яркую зелень пробудившихся ото сна деревьев, не оборачиваясь, распорядился: «Десятников ко мне! Бегом!»

И через минуты детинец загудел – куда-то побежали посыльные, открылись кладовые с оружием, и отряженные для этого воины начали перебирать стрелы, копья, щиты и прочее оружие, придирчиво осматривая и раскладывая по кучкам. А уже к обеду тревога захватила весь город. Потянулись обозы со скарбом не бедных людей, решивших пересидеть опасность на укрытых в бескрайних лесах далеких заимках. Навстречу им в город из посадов и ближайших деревень шли люди победнее – пешком и поплоше одетые, несшие свое имущество в руках, за их одежду держались многочисленные дети.

Утром следующего дня к детинцу потянулись ополченцы. Десятники выдавали им из городских запасов оружие и старенькую латаную-перелатаную бронь, да и той на всех не хватало. Важные, с блокнотами и ручками-самописками, подаренными князем, в руках они записывали фамилии, имена или прозвища новоявленных воинов, распределяя их по десяткам, возглавляемым варягами дружины. Ценность выдаваемого имущества была откровенно невелика, но порядок должен был быть! Воины из посадских и деревенских мужиков были никакие, но держать стену особого умения и не требовалось. К тому же, если не придет князь с верховьев Днепра – итог будет один! Город будет взят, разграблен, защитники и жители – кто не сумеет погибнуть и подойдет захватчикам по возрасту – пойдут на невольничий рынок. Воислав на этот счет иллюзий не питал. Однако должность и клятва требовали исполнения своего долга. И он, и дружина, и весь город готовились. Победить или умереть!

За прошедший год в Смоленске успели отстроить только часть южной стены. Правда, не из бревен и не из кирпича, а из того чудного материала, что вначале похож на жидкую грязь, а потом становится твердым, как камень. Стена эта выгибалась углом наружу, а в центре угла стояла воротная башня. Вот от нее влево до лощины Верхнего волока стена и семь башен уже были готовы. Только вот пока как оборонительное сооружение использоваться она не могла. Недостроенный периметр стены был не замкнут, и самое главное, он никак не соединялся с имеющейся деревянной стеной города. Когда еще инженеры думали, как строить, Воиславу показывали макет крепости. Прямо на большом столе в ящике с песком был построен игрушечный город, обнесенный новой крепостной стеной с тридцатью восемью башнями. Воевода о подобном слышал лишь от знакомых варягов и нурманов, служивших в Царьграде. Так это Царьград! И тут такое в его городе! На этом макете все было просчитано по уму: северная стена шла прямо по берегу Днепра, восточная стояла по краю лощины Верхнего волока, западная – строилась вдоль большого и глубокого оврага. И только южная стена не имела естественных заграждений. Поэтому там планировался рукотворный ров, заполненный водой. Это было просто чудо! Пока еще не построенное. И самое главное, на что Воислав обратил внимание князя – весь город, целиком, с посадами, сейчас помещался внутри этой крепости. То есть он был мал для нее. Чтобы держать эту стену, нужна дружина в тысячи воинов, а не три сотни, как сейчас. На что князь посмеялся и сказал, что строит на вырост, и верит, что смоляне тоже не будут сидеть сложа руки. Будут расти численно и территориально. Дорастут до стен крепости и перешагнут их.

Тем не менее сейчас воевода готовился оборонять привычную деревянную стену, поглядывая с нее на возвышающиеся поодаль громады каменных башен и фантазируя, как бы было

хорошо, если бы крепость была достроена. А насчет людей на стенах он уже успокоился – только за этот год число жителей выросло не менее чем на четверть от былого.

Князь прибыл на третий день. Длинный караван вяземского войска остановился выше города, пристав к левому берегу. И там же начал разбивать лагерь восточнее Верхнего волока. Причем этот лагерь был больше похож на крепость. За день был вырыт ров и насыпан вал, на котором уже в сумерках стали быстро подниматься из привезенных щитов стены и ставились по углам стрельни. Лагерь примыкал к вяземскому подворью, задействовав их каменные стены и башни.

Воислав встретил князя на берегу. Тот о чем-то разговаривал по маленькой коробочке, отдавая распоряжения. Взглянув на Воислава, кивнул ему головой и, сунув руку в приветствии, продолжил руководить размещением войск. Воислав не обиделся. Обида тут была неуместна – и ни по рангу, и ни по ситуации. Пока князь занимался делами, Воислав осмотрелся. Судя по увиденному, прибыло все войско княжества. Князь не побоялся оставить свои земли без войска. Хотя для князя с его скоростью перемещения и возможностью разговора на дальние расстояния – это было не страшно. Наверняка там точно так же, как и сейчас в Смоленске, поднято ополчение, которое сумеет сдержать первый удар возможного врага.

К ним подошел князь голядский Гинтовт. В такой же броне, как и князь Сергей, только плащ был другой расцветки. Увидев его, Воислав заметил, что на берегу присутствует, кроме литвинов князя вяземского, большое количество воинов Гинтовта. Воислав знал, что с помощью князя Сергея Гинтовт на реке Угре строит город, который будет столицей племени голядь. В каком состоянии эта стройка на данный момент, он не знал, но был уверен, что дело там спорится. Вот так! Жили – не тужили в Смоленске, и тут за год на восточных границах земель города возникло два княжества.

– Ну, здравствуй, Воислав! Извини – дела! Гинтовт, твои высадились?

– Да, Сергей.

Гинтовт отвечал на языке Сергея степенно, с достоинством.

«Привык уже к чину», – отметил про себя Воислав.

– Тогда, как договаривались. Твой тысяцкий выделяет людей по заявкам моих инженеров. Через двое суток здесь должна стоять полевая крепость. В ней разместятся лазарет и обоз.

– Так и будет, князь. Слышно там о киевлянах?

– Пока нет. Ждем. Ну что, Воислав? Видишь, какие проблемы я создал для Смоленска?

– Рано или поздно это должно было случиться. Город заплыл жирком. Никто его еще на меч не брал. Так что это ему на пользу пойдет. Увидим, кто есть кто. И потом, ты пришел, – значит, все будет хорошо. Ты как думаешь, князь Гинтовт?

– Пусть враги нас боятся! Я привел тысячу воинов! Не охотников, а воинов!

Гинтовт сделал паузу и нехотя исправился:

– Ну, не тысяча воинов. Не все еще прошли обучение воинскому делу, как это положено у князя Сергея. Но таких в моем войске уже несколько сотен. Остальные – будут учиться.

– Ясно! – И уже обращаясь к Сергею, Воислав добавил: – Город, кроме моей дружины, может выставить четыре сотни ополчения. Правда, броня, оружие и сами воины – так себе. Смазка для мечей.

– Ничего! У нас говорят – третий сорт – не брак! Я уверен, все, что от них потребуется – это побыть зрителями. Это они сумеют.

– Ты уверен, князь? А ну, как киевляне объединятся с полочанами? Там, по моим прикидкам, под десяток тысяч должно набраться. И многие из них знают, с какой стороны братья за меч. Против твоего... нашего войска втрое, если не вчетверо сильнее.

– Воислав! Война – это, прежде всего, война вот здесь! – Сергей постучал пальцем по голове. – У нас было время все обдумать. Поэтому вот! Возьми, мой подарок тебе. Сможешь смотреть со стены в подробностях.

И Сергей вынул из поясной сумки и протянул Воиславу черный непонятный предмет.
– И что это? – принимая его, с любопытством поинтересовался воевода.
– Бинокль. Смотри, как им пользоваться.

Через десять минут Воислав забыл, зачем пришел на берег. Подарок захватил его полностью. Стоявшие далеко воины при взгляде через этот предмет оказывались почти рядом. Казалось, протяни руку и можно потрогать ближайшего за рукав. Закончив рассматривать княжеских и голядских воинов, занятых обустройством лагеря, Воислав перевел взгляд за Днепр. Обозрел другой берег со стоящей вдалеке деревенькой. Отметил, что не все покинули ее. Вились над несколькими избами дымки очагов, на околице паслось с десятков коров. Переведя взгляд далее, он разглядел поодаль, в кустиках мелькание белой задницы, по-видимому пастушка, равномернодвигающейся промеж оголенных девичьих бедер.

Эта картина позабавила и развеселила Воислава. Одновременно где-то внизу возникло чувство, заставившее воеводу вспомнить, что он давно не посещал ни жену, ни наложниц. Прикинув, что князю сейчас не до него и это надолго, а он успеет еще одно, а может, и пару неотложных дел, воевода двинулся в город.

Через два дня он, проверяя подготовку городских стен к возможному сражению, стал очевидцем прибытия с низовьев Днепра того самого черного парохода. Подходя к городу, тот поприветствовал его длинным гудком. Приложив к глазам подарок князя, Воислав разглядел спокойно стоящих на палубе баржи и смотрящих на приближающийся город диковинных воинов князя, которые не носили брони, мечей и всего того, что было привычно глазу. И тем не менее, по слухам, это были самые могущественные воины князя.

Пароход тащил за собой несколько лодей с лошадьми. На одной из лодей Воислав разглядел спущенный стяг киевского князя.

«Киевляне не придут!» – мелькнула у него догадка. И сразу полегчало на душе, как будто камень сняли с плеч. Как они это сделали, ему было непонятно, но, судя по всему, этот десяток на палубе сумел победить киевское войско.

Приободрившись, он уже не так тревожно осмотрел копошащихся на стене воинов. «Похоже, вся это суета зря. Князь прав. Им придется просто быть зрителями. Хотя... для тренировки не помешает. Когда еще удастся собрать ополчение и хоть немного потренировать его». И он промолчал о своих выводах. Всего лишь отозвал своих десятников, порекомендовав им больше внимания уделить занятиям с оружием в строю.

Еще через два дня с утра началось движение в княжеском лагере. Воины одевались, вооружались, строились и походными колоннами, огибая город по берегу Днепра, неторопливо выходили на поля западнее Смоленска. Через два часа с волока прибыл гонец, оповестивший, что полоцкое войско, прибыв на рассвете на южный берег Купринского озера, приступило к переправе через последний волок в Днепр. Весть о том, что к городу приближаются враги, моментально облетела город, и на стены потянулись вооруженные и готовые к бою ополченцы и просто зеваки. Воевода отправил половину дружины на южные, восточные и северные стены. На ополченцев у него надежды не было. Хотя на северные и восточные можно было и не отправлять. С севера был Днепр, и незаметно подойти к городу с этой стороны было невозможно. С востока находился княжеский лагерь, и Воислав был уверен, что его охрана зевать не будет. Судя по тому, что войско князя не становилось в боевые порядки, враг был еще далеко. Последними на поле будущего сражения прибыли тяжелая конница во главе с князем и пехота князя Гинтовта. Они расположились в овраге, между полем и городом. Войска бездельничали до полудня. Даже успели отобедать. Воислав впервые увидел, как это было организовано у князя, и в очередной раз подивился. Никаких костров, котлов и так далее. Из укрепленного лагеря прибыли темно-зеленые квадратные двухконные повозки с дымящимися трубами. И прямо из этих странных повозок стали воинам выдавать в маленькие котелки горячую пищу.

Причем, как рассмотрел воевода у ближайшей литовской пехоты, обед состоял не из одного блюда.

Полочане появились через стражу после полудня. Увидев выстроенное вяземское войско, пристали к берегу и начали высаживаться. По-видимому, у полоцкого наместника вызвало недоумение отсутствие киевлян, и он решил их обождать, начав разбивать лагерь. Однако князь Сергей ждать не стал, и княжеское войско двинулось в сторону полочан, там проревел рог, и в свою очередь те стали сбивать строй.

«Зачем? – удивился про себя воевода. – Солнце уже катится к закату. Сегодня дело не решить. Начали бы завтра с утра. Как и принято. К вечеру, глядишь, и ясно бы стало, кто победит». Но, князь, видимо, считал по-другому.

Построение полочан было обычным – «стена». В центре стояли хирды нурманов и варягов, на флангах – ополченцы. За строем расположились лучники и там же реяло знамя полоцкого наместника с дружиной. Вяземское войско построено было почти так же, но имелись и отличия. Пять сотен латной пехоты выстроились пятью коробками в три ряда каждая. Отличием от «стены» были промежутки между сотнями и построение сотен в две линии. Нечетные сотни стояли в первой линии, а две четные в промежутках между ними – во второй линии. За нечетными располагалась литовская пехота, вооруженная одноручными копьями и щитами. Правая сотня латников стояла на самом берегу реки. Первые два ряда каждой сотни тяжелой пехоты были снаряжены ростовыми щитами и короткими мечами, а вот оружие третьего озадачило Воислава. Кроме меча и легкого щита, за спинами воинов виднелись закрепленные на перевязи железные шары, скрепленные цепью с длинными рукоятями. О моргенштерне воевода ничего не слышал и названия не знал, но о порядке его применения догадался и одобрительно хмыкнул. На левом фланге, примыкавшем к лесу, стояли строем «стена» два хирда – нурманский и варяжский. Воислав оценил силы каждого в сотню – полторы сотни воинов. Левее их, до леса, прикрывая фланг построения, сосредоточились литовские копейщики. За строем пехоты двигались лучники и там же шла легкая конница, вооруженная луками. Как рассмотрел Воислав, почти вся состоящая из степняков. Сблизившись с полочанами на дистанцию выстрела, лучники князя Сергея начали засыпать вражеский строй сотнями стрел. Полочане ответить не могли – их луки не добивали до княжеского войска. Хоть и прикрывлось войско щитами, потери оно несло. Особенно среди ополченцев с их плохонькими щитами и бронями. И наместник сделал то, к чему вынуждал его князь, – отдал команду на атаку. Строй полочан двинулся вперед, постепенно разгоняясь и перестраивая хирды в атакующие клинья. Сразу к обстрелу сближающегося войска подключились и конные лучники, начавшие стрелять с коней поверх строя пехоты.

С ревом и лязгом металла клинья полочан врезались в первую линию тяжелой пехоты, обтекая сотни на их флангах. Те сразу же перестроились, загибая фланги и прикрывая свой тыл. Тут же в бой вступили и литовские копейщики. А навстречу двинулись коробки второй линии, нанося удар уже во фланг потерявшей строй пехоте и выдавливая ее с флангов сотен первой линии. Воислав разглядел, как работает своим оружием третий ряд тяжелой пехоты. Тяжелые шары, взлетая над строем, обрушивались на врага, прижатого к щитам первого ряда. Защититься от удара сверху можно было, лишь прикрывшись щитом, однако в этом случае воин подставлял свое тело под меч первого или второго ряда латников. На некоторое время на поле битвы наступило равновесие. Войско князя, уступая численно войску полочан минимум в три раза, не могло сдвинуть эту массу с места. А полочане, неся большие потери, не могли разорвать строй тяжелой пехоты. Наконец полоцкий наместник принял решение, прозвучал рог, и в центре в глубине их строя начал формироваться очередной клин. Большой клин из нескольких хирдов. Через несколько десятков ударов сердца клин начал разгон. Воины перед ним грамотно и быстро освобождали путь. Снова рев, удар! И...

«О боги!» – выдохнул Воислав, не веря своим глазам.

Удар пришелся в промежуток между сотнями княжеской тяжелой пехоты. И эти две смежные сотни буквально отбросило в разные стороны. Воины князя отходили, стараясь держать строй и открывая брешь в построении войска. Как будто почти в центре плотины открыли ворота. Лучники Гинтовта почему-то побежали вправо, к реке. Отход их, ошестившись копьями, прикрывала литовская же пехота. Легкая конница подалась назад и, раскручиваясь в карусель, продолжала стрелять из луков. Воевода оглянулся. Все стоявшие на стене оцепенели, осознав, что, возможно, скоро из зрителей превратятся в участников сражения.

«Князь! Как я мог забыть!» – Воислав навел бинокль на овраг.

А тяжелая конница уже выходила из него и строилась на краю поля. Следом за ней бежала литовская пехота. Но полочане этого не видели – перед ними крутилась легкая конница, закрывая обзор. На поле боя к этому моменту сложилась следующая картина. Разорванный строй тяжелой пехоты превратился в два острова, стоявших углом. Тыл им прикрывала литовская пехота. Полочане обтекали строй латников и уже начинали продавливать литовцев. На левом фланге княжеские варяжский и нурманский хирды, почувствовав ослабление сопротивления, так как основная масса полоцкого войска хлынула в прорыв, начали перестраиваться в клинья, прикрываясь легкой пехотой.

Наконец, тяжелая конница, опустив копья, начала разбег. Следом за ней бежали копейщики Гинтовта. Сам он несся в центре построения тяжелой конницы рядом с князем вяземским. Полочане поняли, что сейчас произойдет, только когда легкая конница порскнула куда-то влево, к южной окраине города, и они увидели уже разогнавшуюся массу тяжелой конницы. Кто-то даже попытался сбить подобие какого-то строя из стоявших на пути конницы. Но это уже не имело значения. В аморфное тело скученной пехоты, в которой строй наблюдался лишь перед коробками латников, врезался таран огромной силы. Кони у князя вяземского были просто огромными в сравнении с местными. Закованный в броню, такой конь и сидящий на нем рыцарь весили немногим менее сотни пудов. А их в строю было больше сотни.

Удар был страшен! Воислав даже инстинктивно поежился от внезапно пробившего его озноба. Одним этим ударом княжеское войско практически восстановило первоначальный строй. Однако всю огромную многотысячную массу не смог пробить даже удар тяжелой конницы. Воислав видел, как взлетали и падали на головы полочан длинные кавалерийские мечи рыцарей. Конница завязла в массе пехоты, остановившись. Но тут подоспела пехота князя Гинтовта. Одновременно на левом фланге княжеские хирды прорезали строй ополчения и, повернув вправо, уже ударили во фланг центра полоцкого войска. По узкому пространству, отжатому у полочан между тылом хирдов и лесом, в тыл полочанам понеслась легкая конница. Дружина наместника попыталась прикрыть фланг и тыл, но степняки прямой бой не приняли, а снова закрутили карусель, расстреливая полочан с расстояния.

Тяжелая пехота, растягиваясь вслед за ней, шаг за шагом сжимала свои удушающие объятия. В центре, где бились оба князя, ситуация также изменилась в лучшую сторону. Опытный пехотинец в толчее сражения может справиться и с конным. Однако когда ты должен выбирать между опасностью удара от конника сверху мечом или в тело острием копья пехотинца, а у тебя две руки, в которых щит и меч, и отсутствует пространство для маневра – ты обречен. Уже пал стяг наместника. Кто до него добрался – неизвестно, но войско уже превратилось в плотную кучу людей, прижатую к реке. И уже потерявшую волю к сопротивлению. Многие бросили оружие и стояли, опустив головы и отдаваясь на волю победителей.

«Всё!» – понял воевода. И взглянул на часы, подаренные ему купцом Жданом. И не поверил своим глазам. С начала битвы прошло чуть более часа.

«Стой!» – проревело нечто над полем битвы голосом князя.

И княжеское войско, отступив на пару шагов от врагов, замерло. Над полем установилась тишина. Молчали люди и на стенах города. Только что на их глазах свершилось чудо. Сильный

враг был побежден меньшим числом за необычайно короткое время. Враг, который дрался умело и всерьез. И тем не менее...

Воислав бегом спустился со стены и крикнул молодому варягу: «Коня мне!» Через минуту городские ворота открылись, и он вынесся на улицу посада. Когда конь взобрался на склон оврага, впереди оказался еще один всадник. Точнее, всадница. Высокая стройная женщина, одетая по моде Вяземского княжества. Догнав, он узнал ее. Это была дочь полоцкого наместника. На лице ее отображалось смятение. Только что, скорей всего, на поле брани, пал ее отец. Каким бы он ни был, но он был ее отцом. Воислав знал, что она сейчас является женой вяземского воеводы боярина Черныха. Знал он и историю, как это все произошло. И вот сейчас она едет туда, где лежат тела ее отца и его ближников. Она боялась этого, но боялась показать и свой страх. Это было написано на ее юном лице. Какую роль ей сейчас придется сыграть в представлении князя, Воислав не знал. Но уверен, что ее появление здесь неспроста. Он придержал коня и поехал рядом с ней.

Когда они подъехали, князь, сидя верхом, обернулся и указал женщине место рядом с собой. Стоявший рядом с ним рыцарь посторонился и, когда ее конь встал рядом со всеми, снял латную рукавицу, наклонился и, протянув руку, сжал ее кисти, лежащие на луке седла. Воислав посчитал правильным остаться сзади.

– Есть живые из полоцкой дружины?

Князь оглядел сдавшихся.

– Есть! – ответило сразу несколько голосов.

– Подойдите сюда!

Когда откликнувшиеся пробились через толпу и встали напротив князя, он осмотрел их и задал вопрос:

– Знаете эту женщину?

– Знаем! – вразнобой ответили бывшие дружинники. – Дочь наместника. Аранка. Твои люди, князь, украли ее у киевского князя.

– Теперь она боярыня, жена моего воеводы, боярина Черныха Владимира Ивановича. Владимир Иванович, сними шлем!

Рыцарь, который занимал место справа от дочери полоцкого наместника, выполнил команду.

– И вот что я вам сейчас скажу! Полоцк – теперь будет мой город, и править им от моего имени будут боярин Черных и его жена!

Дружинники ответили на эти слова молчанием. И в этой тишине откуда-то из глубины человеческой массы донеслись слова:

– Она невеста сына князя киевского. Он тебе этого не простит. И Полоцк он тебе не отдаст.

После секундной паузы князь рассмеялся. И его поддержали все его воины.

«Ничего они не знают!» – понял Воислав.

– Войско князя киевского сейчас пешочком, по бережку Днепра идет домой. В Киев. Без оружия, без брони. В общем, кто в чем. Если кто-то тут еще на что-то надеется – может выбросить эти надежды из головы. Никто вас уже не выручит. В общем, я все сказал! Напоследок добавлю: пока вы без оружия – считаетесь пленными. Возьмете в руки оружие – снова станете врагами и умрете. Знаю, что для многих из вас смерть не так страшна, как позор. Понимаю это и уважаю. Однако не торопитесь умирать. Пока вы живы – есть варианты. Выслушайте моих военачальников, а потом уже решайте, что вам делать с вашими жизнями.

А теперь я обращаюсь к воинам севера, вставшим под знамена полоцкого наместника. Я знаю, что вы заключили договор с полоцким наместником и верны своему слову. Мы уважаем вашу верность! Но человек, которому вы принесли клятву верности, мертв! Следовательно, вы свободны от клятвы. Вы сделали все что могли! Вы мужественно сражались, но боги сегодня на

нашей стороне. Есть ли смысл противиться воле богов? Мы можем продолжить сражение, но мы не в силах изменить решение, уже принятое на небесах. Вы погибнете. В этом нет сомнений. Вы опытные воины и видите это так же ясно, как и я. Но я не желаю смерти таких славных воинов, как вы. А еще больше я не хочу, чтобы погибали мои воины. А по-другому не будет – вы дорого отдадите свои жизни. Поэтому я предлагаю на этом закончить битву. Я не требую от вас сложить оружие – знаю, что вы не сдадитесь. Я отпускаю вас! С оружием! Вы видите – мои воины прекрасно вооружены, и нам ничего от вас не нужно. Но! Я готов принять в ряды войска славных сынов Варяжского моря на тех же условиях, на которых служат нашему княжеству ваши товарищи.

Подумайте об этом, а сейчас ответьте мне – продолжаем мы битву или нет?

После паузы воины раздвинулись, образовав коридор, и к князю вышел воин в хорошем доспехе. По внешнему виду многим воинам за его спиной он годился в отцы, но был крепок и от его фигуры веяло опасностью и силой. Посмотрев на князя, он повернулся к нему спиной и обратился к войску:

– Я – Асгейр из Согнефьорда! По соглашению между ярлами и хевдингами, нанятыми на службу полоцким ярлом, мне доверено было командование вами в этом походе. Я спрашиваю вас: продолжаем сражаться или выслушаем условия князя?

Некоторое время слышалось бурное обсуждение. Наконец, Асгейр повернулся к князю и сообщил:

– Большинство решено прекратить сражение. Если князь позволит – мы хотели бы уйти послезавтра. Нам нужно проводить в Вальхаллу наших погибших братьев. И утром мы дадим ответ на твой второй вопрос. Каждый хирд будет принимать решение самостоятельно.

– Безусловно, вы можете остаться. Завтра мы все вместе справим тризну по погибшим воинам. Сейчас можете разбить лагерь у лодей. Так же лекари моего войска могут оказать вам помощь. Однако предупреждаю – девушки-лекарки – мои подданные. За их здоровье и тем более жизнь вирой будет только жизнь обидчика. Если такового найти не смогу – ответит хевдинг или ярл.

После этого князь тронул поводья и, развернув коня, неторопливо двинулся в сторону города. За ним двинулся десяток телохранителей и следом потянулись остальные рыцари, оставив окруженных на пехоту и легкую конницу. Однако Черных с женой остались.

К этому моменту на поле выехало более десятка крытых конных повозок со странными красными крестами на бортах. На каждой было по два дюжих мужика и по две девушки с сумками через плечо, с теми же самыми крестами на них. К ним уже подходили, кто мог идти самостоятельно, раненые княжеские воины. Девушки что-то кололи им и бинтовали, останавливая кровь. А мужики на носилках подносили тех, кто идти уже не мог. Наиболее тяжелых раненых клали на повозки и увозили в лагерь.

Воислав задержался, увидев, как из рядов княжеского войска вышли ярлы нурманского и варяжского хирдов. Каждый обратился к своим соплеменникам из числа побежденных. А было их немало. В битве погибли в основном плохо одоспешенные и обученные ополченцы, пошедшие в поход исключительно за легкой наживой. После озвучивания вариантов их дальнейшей судьбы остатки полоцкого войска охватило брожение. Нурманы сбивались в свой круг, варяги – в свой, обсуждая свое положение и варианты, предложенные соплеменниками из княжеского войска.

И только ополченцы жались неприкаянной кучкой к реке. Именно к ним и последовала супружеская чета. Воислав поехал за ними. Если предложения воинам было понятными, то ему стало интересно, что скажет боярин ополченцам.

– Здорово, мужики! – подъехав к толпе, первым поздоровался Черных. Жена тенью следовала за ним, молча остановив коня справа.

– Здравствуй, боярин! – вразнобой раздались редкие голоса. Основная масса настороженно молчала. Не таким они видели этот поход.

– Пошли по шерсть, а возвращаться придется стрижеными! – подтвердил это мнение боярин. – И что мне с вами теперь делать?

Толпа молчала.

– В рабы продать, что ли? Как думаешь, любимая?

Боярыня промолчала, равнодушно оглядывая людей. А те практически перестали дышать. Там в бою они видели смерть, но это было в запале, без раздумий и зачастую быстро. Сейчас, отойдя от горячки, они поняли, в какую беду попали они сами и на что обрекли свои семьи. И сейчас должна была решиться их судьба. Вот этим молодым боярином и его молодой женой. И каждый из них боялся поднять глаза, инстинктивно отодвигая миг оглашения судьбы.

– Молчите? Это понятно. Значит, буду решать сам. В рабы я взять вас не могу. В княжестве запрещено рабство. Продать вас – это одномоментная выгода, да и много вас, а значит, хороших денег не дадут. Поэтому я поступлю по-другому. А ну-ка, кто у вас из старших выжил? Пусть выйдут ко мне.

В толпе после этих слов началось шевеление, и через некоторое время перед конями боярина и его жены стояло шесть мужиков, не отличавшихся от основной массы практически ничем, кроме оценивающих взглядов, которые они бросали на боярина, в то время как у остальных в глазах стояли испуг и тоска.

– Ты кто? – обратился боярин к широкоплечему бритоголовому мужику в неплохом кожаном доспехе.

– Могута-Кожемяка звать меня, – соответствующим внешности низким голосом ответил тот.

– Доспех сам делал?

– Кожу – да. Я выдělывал, а кроил не я – Златозар-бронник. – И кожевник указал на единственного в их группе обладателя кольчуги с дополнительными пластинами.

Боярин поочередно опросил остальных. Среди них еще оказались старший плотницкой артели, лесоруб и двое хлебопашцев.

– Это хорошо! Руки у вас на месте, а это главное. Значит так, вас – всех шестерых, я назначаю старшими. Старшим же среди вас будет Кожемяка. Вы все с этого момента отвечаете за всех этих людей. – Черных обвел рукой стоящую перед ним толпу.

– Завтра или послезавтра – как решит князь – мы с женой отправляемся в Полоцк. Вы едете с нами. В Полоцке вы должны будете построить такой кремль, как в Вязьме. Не видели? Я вам покажу. С бетонными стенами и башнями, рвом и воротными башнями со стальными воротами, которые нельзя взять тараном. И пока вы не построите кремль – вы мои люди, моя собственность. Спросите, а как же запрет на рабство? А не будет рабства! Я буду вам платить деньги за работу. Такие же, как и получают рабочие, которые строят вяземский кремль. Расценки можете узнать у смолян. Многие из города там работают. Обманывать не буду.

Толпа загудела.

– Но работу вы исполнять будете ту, которая мне нужна, а не ту, которую вы умеете. Почему? Мне нужен кремль для защиты города и не нужна кожаная бронь. Плотники, лесорубы понадобятся, однако и им, кроме своей, придется делать другую работу. Как строить? Князь даст людей, умеющих строить, и вы сможете учиться у них новому делу. Как закончите кремль – свободны! Можете снова заниматься тем, чем хотите. На этом всё! Встречаемся завтра!

Воислав подивился хитроумности решения. И вроде княжий указ не нарушил, и в то же время несколько сотен работных людей приобрел, которые будут делать ту работу, которую он им велит. Разница с рабами состояла в деньгах за работу, но он был уверен в том, что у князя вяземского и его бояр с этим проблем не было.

И тут же, повернув уже коня, боярин окликнул ездового с повозки с красным крестом. Девушки уже занимались ранеными побежденного войска. И что характерно, никто не пытался их ушипнуть за упругие зады, а тем более задрать подол. Только шутили, и здоровые, и раненые, красуясь перед ними. Кто мог, конечно. Все понимали важность их работы. И помнили предупреждение князя.

– Эй! Давай санитаров сюда! Здесь осмотреть и обиходить раненых!

Ездовой попытался было отговориться тем, что сейчас девушки смотрят раненых нурманов.

– Они воины! Первую помощь способны оказать и сами. А здесь – никто ничего толком не умеет. Давай сюда!

В этот момент к боярыне подъехал воин и что-то тихо проговорил. Та, выслушав, окликнула мужа, после чего они двинулись за воином.

«Отца, видимо, нашли», – догадался воевода.

Воислав вернулся в город уже в сумерках. На воротах его встретил обычный караул. На стенах уже было безлюдно. Город успокоился и занимался обычными вечерними делами перед сном. А в поле разгорались сотни костров, у которых кучковались побежденные и охрана победителей, сновали люди, снося к местам завтрашних погребальных костров погибших, а от княжеского лагеря и к нему катились и катились повозки с красными крестами.

Глава 6

Следующий день после битвы у князя был расписан чуть ли не по минутам.

После завтрака Сергей отправился на поле сражения. У побежденных была ночь, чтобы определиться со своей судьбой, и князь ехал, чтобы услышать решение.

Еще перед сражением, учитывая, с кем придется сражаться, и, самое главное, рассчитывая на шанс усилиться не только репутационно в глазах местных, но и численно, была проведена определенная работа. Ярлам варягов и нурманов Ингельду и Трюгви Хитрому была оглашено решение князя: семьи погибших воинов, если они живут в княжестве, получают пенсион до взросления детей в размере четверти жалования их отца и мужа. Если семья живет не в княжестве – ей положена разовая выплата в размере годового жалования погибшего. Получивший увечья, но выживший воин получает земельный надел в княжестве и жалование в размере половины суммы, получаемой им в строю. Была плюшка и для тех, кому везло больше – за каждый год службы в княжеском войске жалование увеличивалось на десятую часть. Затраты были, конечно, приличные, но с деньгами дела обстояли более чем хорошо – контроль над торговыми путями, производство и торговля тем, что производилось только в Вяземском княжестве, обеспечивали финансовую независимость. А узким вопросом оставалось наличие людских ресурсов. Поэтому принятые планы должны были способствовать его решению. Люди этой эпохи, как правило, были, с точки зрения современников Сергея, крайне бедны, и им ничего не стоило сняться с одного места и уйти туда, где больше платили или просто легче жилось. И вопрос с верностью решался в этом же ключе.

Естественно, информация была доведена до рядовых хирдманов, чем их сильно воодушевила и, по информации источников службы Васильева, сподвигла воинов, не перевезших семьи в княжество и оставшихся в меньшинстве в хирдах, окончательно определиться.

Вся эта информация, рассказанная ночью у костров, стала известна и пленникам из числа соплеменников и наемников. А утром из госпиталя, развернутого в лагере княжеского войска, вернулись те, кто получил раны и кого наравне с княжескими воинами лечили княжеские же лекари. Вернулись, понятное дело, те, кто получил легкие ранения, однако обычно таких бывает большинство. Если это настоящие воины, а не смазка для мечей. И их рассказы добавили жару в неутихающие споры.

Решение постараться перетянуть часть наемников в свое войско Ингельд и Трюгви, с которыми Сергей советовался предварительно, одобрили.

– Конунг! Богатые ярлы предпочтут свободу. Власть – штука сладкая! А вот середняки и бедные хевдинги могут принять твоё предложение. Конечно, они не лучшие. Но таких обычно бывает большинство. Нам это не страшно. Нам просто нужны воины. А мы их всему научим. Вон у тебя воины – латники – бывшие рабы. Не все даже воинами раньше были. Однако в строю они нам не уступят. Это мы уже проверяли. Один на один – да! Шансов у них нет против воинов севера. Но в строю – они сила. Мы признаем это. Твои люди умеют делать воинов. И мы в стороне стоять не будем – поможем.

Поэтому когда свита князя появилась на поле, к ней потянулись ярлы и хевдинги, принявшие княжеское предложение. И было их немало – набралось 280 нурманов и 330 варягов. Всем им было сказано, что обряд принятия клятвы от хирдов состоится утром завтрашнего дня.

К полудню на бывшем поле боя были подготовлены огромные костры, на которые были уложены погибшие в сражении. Погибшие с обеих сторон. Рядом с кострами стояли и погребальные лоды викингов.

Да! Княжеское войско впервые сражалось с сильным и умелым противником и за победу заплатило жизнями и кровью своих воинов. 127 воинов легли на погребальные костры – 38

князя Сергея, 89 племени голядь. И несколько десятков воинов сейчас находились между жизнью и смертью в полевом госпитале.

Наконец, все было готово, и в центре поля боя, сейчас окруженного цепью воинов обеих армий, под родовые песни вверх взметнулись всполохи всепожирающего пламени. День был безветренный, и казалось, что массивные столбы неподвижного дыма погребальных костров подперли высокое голубое небо. Стояли молча, и только переплетающееся пение на разных языках фоном подчеркивало это безмолвие. И запах! Запах горевшей плоти.

Весь Смоленск стоял на стенах, смотря на эту величественную картину. Мужчины угрюмо молчали, женщины тихо плакали, украдкой смахивая слезинки из уголков глаз, и только дети бессознательно восторженно смотрели на все происходящее.

Костры прогорели, и потянулись к кострищам вереницы воинов, повозок, тачек и носилок. Князь и воевода Воислав распорядились выдать все подходящее для переноски земли. И курганы росли в поле прямо на глазах.

А потом была тризна! Каждый народ проводил ее по своему обычаю, и обе армии рассыпались на группы родов, языков и просто подразделений, как это было в княжеском войске. Сергей обошел все свои подразделения и в каждом сделал символический глоток из братины, сказав дежурные слова.

Закончив с этим, вызвал к себе Черных, который вместе с женой праздновал тризну по ее отцу. Хотя отцом он был номинальным, и ничего хорошего она от него не видела, и даже количество детей от множества наложниц, подобных Аранке, ей было неизвестно, все же сейчас ее звали в княжестве Аурелия Вульфовна. Или что более привычно для нее – Аурелия дочь Вульфа. Имя Аурелия ей дал сам князь Сергей. Неудобно было называть боярыню Аранкой.

Когда Черных подъехал и спешился, Фомичев жестом указал ему место за походным столиком. Рядом с князем сидел Никодимов. Охрана стояла поодаль, вне пределов слышимости.

– Как все прошло? Как жена перенесла?

– Все нормально. А жена... люди здесь крепки не только телом, но и духом. Нормально с ней. Да и сам понимаешь, отцом он был чисто номинально.

– Понимаю. Чем его?

– Стрела. В шею. В самом начале прорыва нашей конницы. Меч был чистый и в ножнах.

– Как пленные?

– Ночью бежало двадцать семь человек.

– И?..

– Утром приказал при всех высечь трех старшин и десятников, чьи люди бежали. Думаю, в Полоцке будет смертоубийство. Если эти идиоты, что убежали, вернуться к семьям.

– Это их выбор. Забыли про твоего тестя. Для него и для нас это, как ни кощунственно звучит, оптимальный вариант. Перейдем к делу. Уходишь завтра на рассвете. Не хочу, чтобы наемники принесли весть о поражении раньше, чем ты появишься в Полоцке. Возможно, это и лишнее, но лучше перебдеть. А то, глядишь, полоцкая старшина их снова наймет. Нам проблемы ни к чему. Думаю, наемники раньше полудня после сегодняшней тризны вряд ли смогут отплыть. Так что запас по времени у тебя будет. Тем не менее топливо не жалея. Иди под двигателями. Полоцк для нас если не ключевой, то, во всяком случае, крайне важный пункт. Без него нам устье Западной Двины будет трудно удержать. По месту определишься с городом самостоятельно. Но учти, тебе там жить. И людей я тебе давать не буду. По крайней мере, не планирую. Поэтому расти самостоятельно. С тобой идет лучшая сотня латников, плюс Гинтовт дает сотню своих. Это лучники, легкая пехота и разведка. На этих бойцах будет лежать охрана и оборона детинца и твоей резиденции. Еще хирд Ингельда. На нем лежит охрана и оборона города. Даем тебе варягов, как все же более близких нам, нежели нурманы Трюггви. Но и ты сам не плошай! По личной охране и вообще безопасности Валерий Николаевич просветит.

– Иваныч, с тобой идет десяток личной охраны. Все из местных. Готовили их год. Люди Васильева три раза прогнали через полиграф. С учетом наивности местных он уверен в этих людях почти на сто процентов. Хотя сто процентов, наверно, даже боги не дают. Все же не зря говорят: «человеческая душа – потемки», и дать гарантии, что мы смогли осмотреть все ее закоулки, никто не может. Готовили их именно как телохранителей, в том числе и морально. То есть защищать тебя и твою жену они будут вплоть до самопожертвования. Поэтому, если тебе понадобится кого-то убить, используй других людей. Это не их профиль. Кроме этого, в твоём окружении есть человек Васильева. Его задача – не проявляя себя, наблюдать за всеми вокруг тебя. Его не ищи. Он обозначит себя только в критической ситуации. Пароль – имя стрелка, решившего дуэль нашего купца с нурманом в Смоленске. Надеюсь, не забыл?

– Помню. Егор.

Никодимов согласно кивнул.

– Продолжу. Связь – группа в два связиста с радиостанцией. Зарядку аккумуляторов обеспечишь. Порядок связи определен, график и частоты у них имеются. Что касается сотни литвинов и варягов – тут все проще во всех смыслах. И от тебя они подальше будут, и одиночке, находясь в сплоченной группе, будь то сотня или хирд, скрыть намерения практически невозможно. Чужих штирлицев тут еще нет. По крайней мере, на территории нынешней Руси. Византия – это отдельная тема. Литвины вообще находятся на таком уровне развития общества, что для нас они как младенцы. Правда, наше влияние уже сказывается и, к сожалению, не в лучшую сторону. Тем не менее полиграф они прошли тоже, когда операция вошла в активную фазу. То есть две недели назад. Я все это тебе говорю, но надеюсь, ты сам не мальчик – с пистолетом не расставайся. И помни! Здесь отравление самое распространенное средство избавления от проблем. Поэтому у тебя будут свои повара. Вот их мы старались контролировать последние полгода. И на всякий случай, они все имеют семьи, которые живут у нас. Сомневаюсь, что мы с ними что-либо сделаем в случае чего, но местные об этом не знают. У них это обычное дело. У меня всё.

– Тогда я просто дам общую обстановку и наше видение ее развития, – вступил князь. – Из невоенного обеспечения с тобой идут инженеры и строители. Материалы присылать будем. На них строительство кремля, городской стены и торговых домов – нашего и голядского. Гинтовт дал своих бойцов именно под наше согласие развития купеческого дела в племени. Ну, для нас это не проблема. Пусть строятся и торгуют. Для местных – наши пряники ты знаешь. Кнут у тебя с собой. В основном всё. А, нет! Не всё. Первое – извини, но банкет по случаю окончания строительства замка и крепости в Вязьме ты пропустишь. Этот год, пока не укрепиться, тебе уезжать из Полоцка точно нельзя. И второе, в некотором смысле компенсация за это будет названа завтра, перед отплытием, так что не удивляйся.

Никодимов вопросительно посмотрел на Фомичева.

– Экспромт! Только что придумал. Завтра все услышите, – отмазался от объяснений тот.

Глава 7

Над рекой еще клубился туман, а на берегу уже толпились люди. Только что в лоды закончили грузить то, что можно было загрузить в последнюю очередь. Длинный караван больших лодей был загружен в основном еще до начала битвы. Он таким пришел из Вязьмы вместе с войском. И сейчас лоды замерли у берега в ожидании пассажиров. А на берегу будущие пассажиры готовились к приезду князя. На правом фланге замерли в строю княжеские латники, варвары, голядские разведчики и лучники. За спинами инженеров в центре построения толпились бригады строителей. А на левом фланге стояла толпа бывших ополченцев, а ныне холопов. Кстати, после наказания старшин и десятников порядок улучшился заметно. Назначенные старшины и десятники теперь исполняли обязанности явно не для проформы. Экспедиция в Полоцк была в готовности к отплытию.

Наконец-то появился князь со свитой. Ритуал встречи старшего начальника в конном строю Черных был незнаком. Все же намерение отработать встречу начальника освоили только для пешего строя. Тем не менее офицер – это не пиджак с погонами. Он либо есть, либо нет. Черных был офицером, поэтому, вспомнив кадры парада Победы в далеком сорок пятом, подал команду «Смирно! Равнение на середину!», толкнув шпорами всхрапнувшего жеребца, направил его навстречу князю. Удивительно, но команду выполнили! Причем не только воины, застывшие в строю, но и холопы, замершие на месте и боящиеся пошевелиться. Доложив князю, Черных пристроил своего коня за левым плечом Фомичева. Тот, не опуская ладони от шлема, поздоровался со всеми. Ответили, как смогли – воины привычно слитно и громко, холопы как получилось.

Князь обратился с речью. О важности их миссии, о грандиозности замыслов в частности и о прекрасном будущем в целом. Черных слушал вполуха. Его больше волновали слова жены о том, что она беременна. Точнее, по ее словам – «брюхата». И тут его мысли перебились.

– В заключение хочу подтвердить важность всего происходящего следующим! Я, князь Вяземский Сергей сын Владимира, дарю боярину Черныху Владимиру сыну Ивана титул князя! И я уверен, что Владимир Иванович будет достоин это высокого звания и сделает город Полоцк настоящим княжеским городом. Ура, товарищи!

Это было неожиданно! Черных оглянулся на жену, стоящую в окружении своей свиты. В отличие от него, она была спокойна и улыбалась уголками губ. Как будто знала! Или она просто не слышала ничего?

Прокатилось троекратное «Ура!», сопровождаемое ударами оружия по щитам.

Черных был капитаном, и для него очередное звание не было первым, однако «князь» в этом мире было совсем не «майор» в его. Это было как минимум «полковник». Минимум! А реально, учитывая удаленность Полоцка и его значение – «генерал-майор». Пришлось поблагодарить князя, сказав дежурные слова и глядя в его улыбающееся лицо. Так вот что это за экспромт! Фомичев решился! Если у князя появляются удельные князья – он на пути к титулу царя. И Черных стал его первым шагом.

После официальной части начали погрузку личного состава, и около восьми утра караван тронулся вниз по Днепру, к волоку в Западную Двину.

Князь же двинулся в сторону лагеря наемников. Там тоже уже проснулись, часть из тех, кто решил остаться на свободных хлебах, готовилась к отплытию, но князя интересовали сейчас другие. В стороне от лагеря стояла толпа из нескольких сотен воинов. При приближении свиты князя она начала приобретать нечто похожее на строй хирдов. Во главе стояли ярлы и хевдинги, а за ними их воины. Через полчаса, приняв клятву верности от новых бойцов княжеского войска, князь оставил в качестве старшего ярла нурманского хирда Трюгви Хитрого и двинулся к лагерю на завтрак. С князем в лагере, кроме ближников, осталась охрана и сотня

тяжелой конницы. Остальное княжеское войско уже грузилось на суда и готовилось к отплытию в ППД.

Когда через час князь с окружением появился у ворот Смоленска, в городе зазвучал вечерней колокол. Воевода Воислав следовал плану. Он же и встретил князя на площади перед детинцем. За его спиной в строю стояла почти вся дружина. На посту остался только караул у ворот, которые закрыли. Князь подъехал к воеводе и в ответ на приветствие Воислава пожал тому руку.

Город был небольшой, народ собрался быстро, Фомичев только и успел перекинуться с воеводой парой дежурных фраз. Дождавшись, когда из улочек города перестанут появляться фигурки опоздавших, князь поднял руку, призывая прямо из седла к тишине.

– Жители славного города Смоленска! Ваша слава и слава города далеко известны за пределами земель кривичей! Смоленск – один из крупнейших городов не только племени кривичей, но и соседних. И я уверен – слава его со временем будет преумножаться. И вместе с ней будет расти богатство как города, так и его граждан. И в этом и сила его, и слабость. Сила понятно, в чем – чем богаче город и его жители, тем сильнее и многочисленней его дружина. А слабость заключается в соблазне соседей богатством города и его жителей. Вы видели, какое войско пришло из Полоцка под стены Смоленска. Вы смогли бы отстоять город? Сомневаюсь! Я скажу больше – на Днепре, между Киевом и Смоленском, мои воины разгромили войско киевского князя числом около пяти тысяч воинов. И в целом у стен вашего города должно было собраться войско численностью около десяти тысяч. И если ваших сил не хватило бы сопротивляться половчанам, то против соединенного войска Киева и Полоцка шансов нет совсем. Вы можете возразить мне, сказав, что причиной похода Полоцка и Киева был мой боярин. Это так! Однако это всего лишь повод. Главной причиной было желание властей Полоцка и Киева ограбить и Смоленск, и Вязьму. А я с этим согласиться не могу. Если эта причина и не была главной сейчас, она таковой стала бы завтра. И я не только не желаю этого Вязьме, но и Смоленску. У Вяземского княжества здесь много друзей, тут есть наша собственность – торговый дом. Поэтому я буду защищать Смоленск так же, как и Вязьму. Я принял решение – взять город Смоленск и его жителей под свою руку. О чем вас всех и извещаю.

Князь замолчал, ожидая реакции толпы. И он ее получил. Поднялся ропот – где-то одобрительный, где-то возмущенный, но в целом люди отнеслись к словам князя нейтрально. Открытого недовольства не было. Оценив реакцию жителей, князь продолжил:

– Так как город становится княжеским, управлять им будет человек, назначенный мной. Пока я решил назначить на этот ответственный пост всем вам известного Светозара сына Пересвета.

Фомичев назначал на должность градоначальника тестя Ждана. Причина: выбор, по сути, был невелик. Светозар хоть и породнился с княжеским купцом, все же имел свою позицию и свой взгляд на происходящее. То есть и человеком, близким к вяземскому князю, его назвать было нельзя, и в то же время врагом он не был. Но в здравомыслии ему отказать было нельзя. Именно поэтому он и приглянулся Фомичеву, и он надеялся, что это оценят и жители города. Сам Светозар был не в курсе планов князя и сейчас был откровенно удивлен словами князя.

– Однако я оставляю за гражданами города право соглашаться с выбранной мной кандидатурой или нет. Я готов обсуждать и кандидатуры, предложенные городом. Но окончательный выбор я оставляю за собой. Далее, все жители города становятся гражданами Вяземского княжества с соответствующими правами и обязанностями. Воеводой города остается Воислав сын Радима. Он сам и его дружина становятся воинами княжеского войска с соответствующими жалованьем и привилегиями. Дружина должна вырасти численно до трехсот воинов. Это будет сделано за счет княжества. Далее, городу надлежит поставить каменные стены и башни. Как в Вязьме. Это за счет города, но материалы для стройки будут предоставлены княжеством по

себестоимости. Строителей город нанимает сам. Понимая, что речь идет об очень изрядной сумме, я считаю правильным три года не брать налог с города. В целом всё.

Толпа молчала, переваривая услышанное.

– А сейчас прошу в детинец вместе с моими ближниками пройти Воислава Радимича и Светозара Пересветовича. Нужно обсудить детали.

Князь повернул коня и направился к детинцу. За его спиной толпа, переговариваясь и обсуждая услышанное, начала расходиться. Фомичев облегченно вздохнул. Все прошло по плану. Хотя существовала, пусть маленькая, но все же вероятность, что найдется кто-нибудь из бузотеров, и толпа попадет под его влияние. Аргументом против развития ситуации по этому сценарию как раз и были сотня тяжелой кавалерии, и варяги Воислава.

– Князь, а если я откажусь? – задал вопрос Светозар, как только за последним из вошедших в горницу закрылась дверь. – И почему именно я?

– Отвечаю. Начну с конца. – Фомичев, с помощью Никодимова, начал снимать доспех. Остальные, заняв места за столом, молча слушали их разговор. – Мне не нужно, чтобы человек на таком важном посту говорил мне лишь то, что я хотел бы услышать. Поверь, многие далеко не глупые люди, а зачастую и по-настоящему умные, погубили начинания, ставя на должность исполнителей – льстецов. Оно, конечно, приятно, чувствовать себя самым умным и непогрешимым, и какое-то время ничего плохого не происходит, однако рано или поздно количество ошибок и упущений, скрытых такими верноподданными подчиненными, вырастает до катастрофических размеров, и они начинают использовать их против своего же начальника. И при любом исходе этой свары страдает дело. Ты, Светозар Пересветович, ко мне лично и моим людям относишься с подозрением, хотя и стал родственником моего человека, и тем не менее вряд ли будешь славословить в мой адрес. Скорее, будешь колоть мне глаза моими промахами и упущениями. Я это стерплю ради дела. А дело у меня, то есть теперь у нас, большое. Просто огромное дело! И еще что важно – ты любишь свой город. Не любил бы – покинул бы его, как и твои товарищи по партии. Той, что пыталась бороться со мной. И я рад, что ты все же не пошел с ними до конца. Поэтому кому как не тебе менять и строить город? Поэтому есть у меня уверенность, что не откажешься ты от этой должности.

Сразу скажу, в этом году начинаем строить канал Днепр – Западная Двина. Понимаю, что этим наступаю на хвост артелям, работающим на волоке. Они останутся без работы. Поэтому предлагаю хозяевам артелей вложиться серебром и золотом в строительство шлюзов. Обещаю – какая часть в общей сумме затрат будет их – таков будет и процент прибыли с работы канала. А в целом пусть не боятся за людей – работы в городе будет много, очень много. Будете еще людей на стороне нанимать.

Выбравшись из доспехов, князь взмахнул руками и покрутил торсом, разминаясь.

– Валерий Николаевич, что у тебя во фляжке? Квас? Дай попить, а то горло пересохло – сил нет!

Сделав несколько больших глотков из протянутой фляги, он продолжил:

– Ах-х! Хорошо! Продолжаю! Канал – раз, крепость – два. Далее неплохо бы по верхнему волоку сделать канал в Сожь. Но это после главного. Тем более с Киевом у нас пока отношения не очень. Вот как Рюрик или Олег Киев возьмут – тогда пойдет торговля с ними. Но! Это направление для нас в любом случае второстепенно. Хоть и говорят про Днепр – «путь из варяг в греки», нам интересней другой – Шелковый путь. Дорога из Азии в Европу. Через нас, и только через нас. И мы должны контролировать этот путь от Каспийского до Балтийского моря.

Заметив непонимание у Светозара, Фомичев исправился:

– Из Хвалынского моря до Варяжского. И когда он весь будет под нами – Смоленск должен быть главным городом на нем. Ну, так что, Светозар? Согласен?

Фомичев подошел к сидящему за столом Светозару и протянул ему ладонь.

Тот помедлил и, поднявшись, ответил рукопожатием.

- Ох, князь! Чую, кончилась моя спокойная жизнь. Спать будет некогда.
- Именно! А иначе нельзя!

Глава 8

Лодьи отчалили и пошли вниз по течению Днепра к волоку в Западную Двину. Черных распорядился идти на веслах. Ему хотелось как можно дальше оторваться от нурманов. Не доверял он им. От Никодимова и воеводы Федора Ивановича он слышал, что для нурманов и варягов измена клятве является несмываемым позором. Но в том-то и дело, что идущие за ним несколько сотен наемников никому и ничего не обещали. И их он опасался больше, чем предстоящую встречу с гарнизоном и жителями Полоцка. Поэтому на волоке в станки для перетаскивания лодей впряглись все – и холопы, и княжеские воины, и варяги с литовцами. Сам Черных мотался вдоль всего растянувшегося каравана, покуда тащили суда по земле. Потом шли по озерам и мелким речушкам, связывающим их. В итоге устали все, но до заката лодьи были в Двине. Обычным делом было разбить лагерь для отдыха и заночевать, продолжив путь поутру. Но князь приказал отправляться. На лодьях, подготовленных в Вязьме, запустили двигатели, и те, освещая путь автомобильными фарами, потащили за собой весь караван. Холопы дивились чуду, как быстро шли сильно нагруженные суда без весел и парусов, и ярко горели невиданные светильники. Ропот, возникший вначале на приказ двигаться, стих. Все не участвующие в управлении лодьями могли спать.

Когда в движении все устаканилось, Черных подошел к своей палатке. Аранка лежала на кошме у входа и смотрела на звездное небо.

– Ну, как настроение, княгиня? Прости, не смог найти время и подойти к тебе.

Аранка села и, глядя на него, ответила:

– Князь милостлив к тебе. Но что он потребует взамен?

– То, что всегда требует начальство от воина, во все времена. Верность. И во мне он может не сомневаться.

Жена придвинулась к нему и провела рукой по небритой щеке.

– Ты ел сегодня?

Черных задумался. И только сейчас понял, как он голоден.

– Нет. С утра погрузка, построение – некогда было. Потом волок. Тем более некогда. Черт! Я ведь и людям поесть не дал.

– Не беспокойся! Чувствуешь, чем пахнет? Все, как только мы отправились по Двине, начали варить кашу. У меня есть мясо. Но оно холодное. Будешь?

– Конечно! Давай его сюда!

И уже откусив поданное женой мясо, хотел попросить чем-нибудь запить, а она уже протягивала ему кувшин. С пивом.

Прожевав, он кивнул в сторону, куда в ночи шел караван:

– Боишься?

– Немного. Воины из дружины отца сказали, что как только в Полоцке стало известно, что я вышла замуж, мать из наложниц перевели в рабыни и выгнали с подворья наместника. Не знаю, жива ли она?

– Возможно, через сутки мы все узнаем. Помни! Я всегда рядом с тобой! И... пошли спать.

Глава 9

Фомичев и Никодимов сидели в удобных креслах на верхней палубе княжеского парохода, который возглавлял караван судов, везших из Смоленска последние подразделения княжеского войска. Обстановка была абсолютно неофициальная, поэтому они одеты были в летние светлые костюмы той эпохи, из которой пришли. Дым парохода относил куда-то в сторону, и ничего не мешало им наслаждаться прекрасным весенним солнечным днем и видами первозданной красоты Средней полосы.

– Жаль, коньяк закончился. Очень жаль! Как-то мне этот самогон уже приелся, – выпив очередную чарку и закусив соленым огурчиком, прокомментировал Никодимов.

– Не кощунствуй! Это не самогон. Чистый спирт, разведенный водой и настоящий... – Фомичев взял бутылку и покрутил ее, разглядывая, – ...на дубе. А насчет коньяка – винограда здесь нет. А потом дай тебе коньяк – захочешь лимончик или шоколад. И где их взять? А это практически водка. Просто я ее привкус не люблю, и мне делают эту настойку, не прогоняя через угольные фильтры. Посему вкус водки отсутствует. И соленые огурчики, а также квашеная капуста к этому напитку – как раз в тему.

– Ты прав, захочу! Факт! Человеку это свойственно – хотеть все больше и больше. И к качеству спирта у меня претензий нет. Просто вот блажь такая – в той жизни я предпочитал коньяк.

– Это не самая большая проблема, общая для нас всех и для тебя в частности. Ведь так?

– Так! Слушай, Сергей Владимирович, давно хотел спросить, но вопрос интимный, и я стеснялся.

– А сейчас осмелел?

– Ну, так наш национальный напиток имеет такое побочное свойство.

– Ну, спрашивай.

– А как ты с тремя женами управляешься?

– Ты никак решил тоже тройку с бубенцами завести?

– Нет. Пока нет. Чисто спортивный интерес.

– Знаешь, я в той жизни это дело любил. А тут вообще такой сперматоксикоз поймал, что будь у меня свободное время – рехнулся бы. С Лизой, когда все началось – по три раза в день получалось. Утром перед уходом на работу или службу. Не знаю, как назвать то, чем я занимаюсь. В обед, ну и, естественно, ночью. Причем месячные меня не останавливали. Ну, мы же взрослые люди – можно ведь по-всякому. В общем, как она мне позже рассказала, подумывала уже как-то решить то ли с любовницей для меня, то ли с наложницей. Собственно, поэтому она так лояльно к литовкам и отнеслась. Тут же просто идеальные условия для мужиков-жеребцов. Чистый воздух, экологически чистая еда с упором на мясо, ежедневные тренировки и войны. А знаешь, как адреналин способствует желанию? Не было бы маленьких детей, я бы кого-нибудь из жен на войны таскал. А так вот мучаюсь сейчас. Но приеду... всем трем отомщу! И не по одному разу!

– Кстати! Об адреналине. Ты почему мне не разрешаешь ходить в бой? Я, конечно, уступаю многим, а тебе в частности, но не совсем же я безнадежный! Федор говорит, вполне могу в строю работать.

– Каждый должен заниматься своим делом! Я хожу в бой, потому что тут время такое. Мне положено. Без этого сейчас никак. А тебе – необязательно. У тебя другая работа, и мне тебя заменить некем. И главное, если со мной что-либо случится – я должен быть уверен, что вы справитесь, и люди, которых я повел за собой, не погибнут. Вот! И еще – то, что я тебе сейчас сказал, я говорил и Васильеву. А он, в отличие от тебя, практически вообще из Вязьмы не вылезает.

– Ты в нем уверен?

– Я его знаю хрен знает с каких времен. Ну, ты в курсе. Наверняка информацию и о нем собирали. Так вот, что хочу сказать о Васильеве – это настоящий правильный советский мент! Такие не предадут. В девяностые это много значило! От них МВД усиленно избавлялось, а потом и вовсе стало полицией. Помнишь фильм «Место встречи изменить нельзя»? Вот Васильев скорее романтик Шарапов, нежели профессионал Жеглов. Он не мог пойти на подлог. Разговор у нас зашел на интересную тему, поэтому в свою очередь хочу спросить тебя. Сам-то что думал, когда тут оказался?

– Мысли разные были. Были и такие: попытаться занять твое место. Признаюсь! Но для этого нужно было разобраться во всех тонкостях взаимоотношений в твоём окружении. А когда разобрался, понял, что это не мой уровень. Я служака! Задачу поставили – выполняю. Хорошо выполняю! Но этого, чтобы управлять анклавом – сиречь княжеством, – недостаточно. Нужна харизма! Здесь без нее никак. А у меня с этим делом плохо. Для оперативника это скорее недостаток, чем достоинство. Опер должен быть серым, незаметным и сливаться с массой. А когда ты светишься в толпе, как новогодняя елка – делу конец. И вот тут я понял, что наш шанс – это ты. Тебе харизмы не занимать! Ты – на своем месте. А я могу только помогать в меру своих сил и знаний. Иначе тридцать лет нам тут не протянуть.

– А что ты своему начальству скажешь, когда все закончится?

– Сначала нужно прожить эти тридцать лет! И начальство там будет уже другое. Да и вообще неизвестно, что там будет. Поэтому буду жить здесь и сейчас. И скажу честно – я благодарен судьбе за этот шанс новой жизни! Я тут живу во всю ширь своей души! Именно живу! Поэтому – похрен мне, что там думает начальство.

К столу подошел капитан парохода.

– Сергей Владимирович, вас Васильев по связи вызывает!

– Да? Странно! Ну, пойдем, узнаем, что там за новости.

Фомичев поднялся и не торопясь двинулся в рубку капитана. Никодимов поглядел ему вслед, потом залпом допил настойку, поднялся и, хрустя огурчиком, отправился за князем. Зайдя в рубку, князь принял протянутую капитаном трубку КВ-радиостанции.

– На связи Фомичев! Прием!

– Сергей Владимирович, здравствуйте! – В голосе Васильева слышалось напряжение, и в душе Фомичева шевельнулось беспокойство.

– Здравствуй, Александр Викторович, что случилось?

– Только что пришло сообщение из Наус Местаса... черт! Не мог Гинтовт назвать свой город привычно – Вильнюс там или Каунас.

Васильев волновался и поэтому был непривычно многословен.

– Зови по-русски – Новый город. Прием!

– Ну да. Ладно, это не важно. В общем, мимо города вверх по течению Угры идет войско. Связисты подчеркивают – местных знамен, развевающихся над судами, не знают. Но что заметно – достаточно однообразная форма. И много их! Караван еще идет, и конца не видно. Как закончится – они сообщат количество судов, и тогда можно будет прикинуть численность. Но уже понятно – это не прохожие мимо! Это идут к нам! Я объявил тревогу по княжеству. Все поселки и объекты по Угре, Жижале, Молодке перешли на осадное положение. Идет эвакуация мирных жителей, скота и вообще ресурсов. По возможности. Пока всё! Прием!

– Поддерживаю! Объявляй мобилизацию. Место сбора – поле у шлюзов на Молодке. Там, где бились с литовцами. Информацию от связистов немедленно по получению передавай мне. Мне сейчас недосуг самому на них настраиваться. Мне сейчас по связи много придется общаться. Есть что еще? Прием!

– Пока всё!

– До связи!

Не кладя трубку, Фомичев, обратился к капитану:

– Перестройся на частоту основного каравана для меня. И команда тебе и нашему каравану – «Скорость движения – максимальная! Место разгрузки – шлюз на Молодке! Быть по прибытию в готовности к бою!»

И через минуту капитан по связи повторил только что отданную команду. Еще через минуты пароход, густо задымив, ускорился, оставляя за кормой буксиры с баржами. То же самое произошло и в караване с основной частью войска, шедшем в двенадцати часах впереди. А радиосвязь не умолкала ни на минуту. Поступали дополнительные сведения, шли команды, и согласно им, начали вращаться шестеренки механизма княжества, готовившегося к отражению вторжения чужаков. В поселках, расположенных на берегах Угры, Жижалы и Молодки, пустели деревни – женщины, дети уходили сами и угоняли скот в леса. А все, кто мог держать в руках оружие, получали его из арсенала поселения, надевали брони и занимали места в башнях и на стенах маленьких крепостей, готовясь встретить врага.

Глава 10

Токсот Досифей смотрел на крупный город, впервые встретившийся на их пути за более чем две недели похода. «Крупный» – это всего лишь в сравнении с теми, что им встретились ранее. Этот был, в принципе, таким же захолустным, с точки зрения обычного ромея, городишком. Просто, в отличие от предыдущих, сплошь деревянных, этот уже имел каменные стены. Хотя насчет последнего Досифей был не уверен. Что стены и башни не деревянные – это несомненно. Но вот материал, из которого были возведены стены и башни этого города, никак не походил ни на кирпич, ни на камень. Хотя на камень материал был похож все же серым цветом, однако швов кладки Досифей не разглядел. И это было странно. Не мог же город быть отлит одной деталью! И тем не менее... Местные жители, в страхе бросая вещи, неслись к воротам крепости, исчезая за ними, а на стенах и башнях уже толпились воины в островерхих шлемах, и оттуда уже полетели пока редкие стрелы. Насчет ворот Досифей просто логично предположил, потому как он их не увидел. Люди просто забежали в башню, причем сбоку. Такого расположения ворот ему еще видеть не приходилось. В этот момент в борт воткнулась стрела, и тут же последовала команда поднять щиты и, укрывшись под ними, одновременно прикрыть рабов на веслах.

Оценив расстояние, на которое прилетела стрела, Досифей подумал, что это просто какой-то лучник стрелял с берега. Ан нет! Стрелы дождем застучали по щитам и бортам судна. Стреляли явно со стен города, и это Досифея удивило. Не могли так далеко стрелять лучники! Он уже пятнадцать лет служил в ромейской армии и именно лучником. До недавнего времени конным лучником – псилосом, причем не простым – он был слугой пентеконтарха – командира подразделения из пяти десятков конных лучников. Правда, именно в этой должности он был недолго. Основную часть службы он занимал должностью слуги командира на ранг ниже – декарха. То есть десятника. Его командиром был Леонтий из Амасьи. Однако года два назад в их феме внезапно умер пентеконтарх и освободилась вакансия. Леонтий, прослуживший уже почти двадцать лет и так и не сделавший карьеру, на эту возможность поставил всё. Взял в долг золота у местного иудея-ростовщика, заложив под него свой доспех и коня. Причем долг он должен был вернуть через полгода, а пока и доспех и конь оставались у Леонтия. Как средство для зарабатывания денег, взятых в долг. А конь и доспех у Леонтия были хороши! Понимая, что это обеспечивает его выживаемость и зарабатывание денег в набегах, он в этом вопросе не экономил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.